

ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО
ТРАНСФОРМАЦИЯ
ДЕМОКРАТИИ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ

Вильфредо Парето

Трансформация демократии (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874815

*Парето В. Трансформация демократии: Издательский Дом «Территория будущего»; Москва;
2011*

ISBN 978-5-91129-062-7

Аннотация

В своей работе «Трансформация демократии» выдающийся итальянский политический социолог Вильфредо Парето (1848–1923) показывает, как происходит эрозия власти центрального правительства и почему демократия может превращаться в плутократию, в которой заинтересованные группы используют правительство в качестве инструмента для получения собственной выгоды. В книгу также включен ряд поздних публицистических статей Парето.

Содержание

Парето и демократия	4
Трансформация демократии	14
I. Вводные замечания[18]	14
II. Разрушение центральной власти	22
III. Цикл плутократии	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вильфредо Парето

Трансформация демократии

Парето и демократия

Вильфредо Парето (1848–1923) известен широким образованным массам как автор теории круговорота элит (и принципа, названного его именем, который на самом деле сегодня не вполне однозначно соотносится с его творчеством).

Как ученый, Парето принадлежит к той эпохе, которая своими корнями уходит в позитивизм XIX в., проникнутый верой в науку и ее всемогущество, и вместе с тем открывает период господства технологий и разочарования во всем, начиная с социальных утопий и заканчивая демократией, если говорить только о гуманитарной сфере.

Человек, который оставил больше 30 томов сочинений¹ по социологии, математике, экономике, политологии и т. д., создал себе собственный памятник и, наверное, заслуживает пристального внимания, хотя сегодня в полной мере такое внимание способны уделять только узкие специалисты. Но и для широкой публики многие из оригинальных текстов Парето могут быть интересны. Сегодня его считают классиком социологии; существуют институты и фонды, носящие его имя и посвященные изучению его жизни и деятельности.

Как и многие другие классики, Парето сконструировал систему, основанную не только на общеупотребительных или общепризнанных концепциях, вытекающих из культурной традиции и опыта предшественников, но и на выработанных им самим специальных понятиях и идеях. С одной стороны, такие термины, как «деривации», «остатки», «цикл демагогической плутократии», придают его статьям более однозначный и определенный, с авторской точки зрения, смысл; они лучше выражают авторское «Я», индивидуальный стиль и особое понимание общества; с другой стороны, если эти понятия не входят в общий оборот и не становятся всеобщим достоянием, их не используют другие исследователи, их понимание затруднено, и если сам Парето был вынужден в статьях постоянно давать пояснения и делать ссылки на свой фундаментальный труд по социологии², то сегодня, несмотря на популярность его имени в определенных ученых кругах, эта терминология выглядит еще более экзотичной. Впрочем, таковы недостатки всех систем, по крайней мере систем, описывающих общество; текучесть социальной жизни обрекает на неудачу любые попытки отразить ее в строго однозначных понятиях, и даже если таковые кажутся ясными и определенными, когда становятся привычными, – это лишь иллюзия, о чем никогда не следует забывать. Демократия, капитализм, даже свобода суть слова, впитавшие столько мифологии, что для строгой науки (насколько таковая возможна) их использование становится проблематичным.

Создание систем – традиция XIX–XX веков, попытка сблизить методы гуманитарных наук и естествознания. Практически в известных рамках она осуществима, но эти рамки довольно узки, и при желании выйти за них ученый начинает сильно обманываться. Не об этом ли пишет сам Парето, рассуждая о возможностях и пределах опытного познания, или «логико-экспериментальной науки», как он его называет?

Выведение общих законов истории и социологии выливается в банальность, когда человек пытается формализовать некоторые природные принципы – повторяемость и чередование, природные циклы, рост, упадок и т. п. или в более или менее удачно зашифрованную догматическую схему. Вильфредо Парето отдавал себе отчет в этих трудностях, когда

¹ Pareto V. Oeuvres complètes // Publiées sous la direction de Giovanni Busino. 32 vv. Genève, Droz, 1964–2005.

² Trattato di sociologia generale. v. 1–2. Firenze, 1916. Англ. перев.: The Mind and Society. L., 1935.

писал статьи, прогнозирующие развитие событий и в той степени, в какой он видел это возможным, приоткрывающие завесы будущего. Его статьи недогматичны; это не значит, что они ненаучны; напротив, постоянные оговорки, отсылки к другим работам и авторам, сомнения, которые могут вызвать и раздражение у читателя, желающего большей определенности, – как раз черты научного подхода.

Сложно до конца четко определить круг интересов Парето и область его деятельности. Принято называть его социологом, так как его главный труд называется «Социология», но ему принадлежит также учебник по политической экономии, не говоря уже о том, что начинал он как инженер. Биография ученого – это хронологический перечень его трудов, но Парето не сразу пришел к занятиям наукой и до конца жизни сохранил пристрастие к политической деятельности и публицистике. Разнообразие его интересов было, предопределено разнообразием судеб членов его семьи и обстоятельств жизни. Он родился в Париже в революционном 1848 г. в семье выходца из Генуи Раффаэле Парето. Предки занимались торговлей, как многие генуэзские нобили, и в начале XVIII в. получили титул маркизов. Дед избирался в городские мэры. Парето принадлежали к республиканскому и либеральному лагерю, играли заметную политическую роль в эпоху Наполеоновских войн. В 1836 г. Раффаэле, инженер по профессии, эмигрировал в Париж вместе с другими сторонниками революционной борьбы за объединение Италии; здесь он женился на Мари Маттенье, от которой у него было трое детей. Фриц Вильфрид получил свое имя, вероятно, в связи с событиями, происходившими в 1848 г. в германских землях. Он получил начальное образование и в 1858 г. последовал за отцом в его родной город, а в 1870 г. закончил Туринскую инженерно-техническую школу, старейшую в Италии. Занятия естественными науками и математикой повлияли на общие воззрения будущего ученого и его подход к социальным исследованиям, в частности на его представление о социальном организме как системе динамического равновесия циклических процессов.

С этого времени до 1889 г. Парето служил инженером, в железнодорожной компании в Риме и во Флоренции, затем на сталелитейном заводе. Одновременно он занимается политической экономией и вращается в кругах флорентийской интеллигенции, где в эти годы оживленно дебатировались политические и социальные проблемы эпохи Рисорджименто. Парето сотрудничает с газетами и журналами, где публикует критические статьи. Неудачные попытки баллотироваться в парламент молодой Италии на платформе сторонников свободной торговли укрепили скепсис начинающего ученого в отношении перспектив общественного благоустройства.

В 1889 г. происходят перемены. Парето оставляет инженерную службу и посвящает себя политике и публицистике. Тогда же он женится на Александрине Бакуниной³. Этот брак был неудачным, через 12 лет жена оставила его. Вскоре он нашел себе подругу в лице француженки Жанны Режи, которая была почти на 30 лет моложе его и на которой он женился лишь незадолго до своей смерти в 1923 г., поскольку не мог раньше получить развод. Последние годы XIX в. Парето провел на вилле во Фьезоле близ Флоренции, много писал и выступал с публичными лекциями по политической экономии. Либеральные и отчасти социалистические взгляды помешали ему получить место в итальянском университете. Такая возможность представилась лишь в 1893 г., когда по рекомендации известного экономиста Леона Вальраса он занял его место в университете Лозанны. В 1896 г. выходит фундаментальный труд «Курс политической экономии»⁴, в котором Парето разрабатывает идею маржинальной теории стоимости и проблему экономического равновесия. Он формулирует принцип, согласно которому (в упрощенном виде) во всех обществах соотношение бедных

³ Некоторые авторы ошибочно называют ее дочерью Михаила Александровича Бакунина.

⁴ Cours d'économie politique. V. 1–2. Lausanne, 1896–1897.

и богатых остается примерно одинаковым. Разработка этого принципа укрепила его пессимизм относительно возможности коренного преобразования общественного устройства, вместе с тем сама идея покоится на убеждении о наличии социальных констант, исследуя которые можно научно прогнозировать ход событий.

В 1898 г. Парето получил наследство, благодаря которому смог купить небольшое имение в Селиньи на Женевском озере. Здесь он провел последнюю треть жизни, продолжая преподавать политэкономии, а затем социологию, но постепенно замыкаясь в обществе гражданской жены и двух десятков ангорских кошек. Он продолжал в течение некоторого времени вести активную научную и публицистическую деятельность, вел переписку с друзьями и коллегами. В статье «Приложение социологических теорий»⁵ он развивает некоторые принципы своей будущей системы волнообразного развития общественных явлений, восходящей к принципам, заложенным еще Макиавелли. В частности, он говорит о типах человеческого поведения, присущих группам политической элиты, – с одной стороны, консервативном и последовательном, с другой – гибком и приспособительном⁶. Эти типажи он называет «львами» и «лисицами» – образы почерпнуты из «Государя», хотя и переосмыслены. Нарастающий пессимизм Парето в отношении радикального преобразования общества обрел форму в новом труде «Социалистические системы»⁷, посвященном критике утопических, на его взгляд, построений Маркса. Следует заметить, что исторический материализм как научную теорию Парето не отвергал и в какой-то степени разделял его положения о наличии социальных законов, об определяющей роли борьбы классов. В то же время мысль Парето движется от классической политэкономии в сторону зарождающейся новой науки – социологии, по мере того как он осознает важность изменчивой ментальной составляющей в жизни общества, в том числе в хозяйственных отношениях. Эти идеи отразились уже в «Курсе политической экономии» и в коренным образом переработанных его изданиях – «Руководстве по политической экономии» 1907 г. и во французском переводе 1909 г. Парето делает акцент на нелогичности, иррациональности поведения (не исключая экономического) человеческих индивидов и вводит вместо базового понятия «полезность» образованное на греческой основе слово *orphelimité*, которое можно перевести как «желательность». Свои взгляды на общество Парето изложил в уже упоминавшемся капитальном труде «Трактат по общей социологии», написанном в 1907–1914 гг. и изданном в 1916 г. Четыре тома огромного трактата изобилуют ссылками и историческими примерами; история всегда занимала важное место в построениях писателя, который обладал обширными познаниями в этой области. Впрочем, исторические параллели, проводимые в этом труде, используются Парето и в других его работах, в том числе в «Трансформации демократии», как и основные понятия, вводимые для описания социальных процессов. Они образуют более или менее определенную схему, что позволяет отражать систему Парето даже в виде таблиц⁸, однако ее создатель на деле не стремился дать исчерпывающее (тем более полностью формализованное) описание социальной действительности⁹. Некоторая причудливость его терминологии как раз и подчеркивает, может быть, принципиальную неосуществимость подоб-

⁵ Un'applicazione di teorie sociologiche // Rivista Italiana di sociologia, 1901. P. 402–456.

⁶ Подробнее см.: Powers Ch. H. The Life and Times of Vilfredo Pareto // Introduction to the Transformation of Democracy. New Brunswick, 1984. P. 8–9.

⁷ Les systemes socialistes. V. 1–2, 1902–1903.

⁸ См. упомянутую выше, в прим. 6, статью Ч. Пауэрса.

⁹ Важное наблюдение Парето заключается в том, что исторически возникшие и используемые социальной наукой понятия и теории являются производными от реальных явлений, но не полностью адекватно описывают их, хотя сегодня могут представляться некими универсальными истинами. В частности, он считает ошибочным возводить внешне похожие феномены – феодалы или синдикаты – к похожим явлениям других эпох (античной клиентеле в первом случае и средневековым гильдиям во втором). Сам он видит в них частные порождения общего закона колебаний распределения власти между центром и периферией.

ной задачи. Из главных терминов два («чувства» и «интересы») употребляются в более или менее распространенном значении, но основу построений Парето составляют два класса, на которые делятся социальные явления и которые выражают соотношение между устойчивым и изменчивым, реальностью и представлениями о ней или объяснениями ее. *Residui* (или в буквальном переводе «остатки») суть проявления реальных чувств, не всегда или смутно осознаваемых, но лежащих в основе поступков. Возможно, это слово родилось как результат математической операции, заключавшейся в вычитании из суммы психических феноменов, переживаний и объяснений реальности ее чисто субъективной, объясняющей составляющей, служащей для оправдания поступков. Остаток – это реальность, сущностный мотив, то, что в действительности движет людьми, отражение их истинных чувств. Все прочее, придуманное в ходе культурной и социальной эволюции, выработки идеологий и культов, – это деривации, косвенные производные от действительных чувств. Остатки и деривации соотносятся между собой, как иррациональное и рационализующее, как реальность и способ ее использовать, объективный смысл и более или менее соответствующее ему объяснение. Парето выделил шесть классов остатков, из которых наиболее важны с точки зрения его теории социальной динамики два. Первый тип остатков выражает склонность к комбинациям; это желание перемен, поиск выгоды, готовность манипулировать людьми и цинизм; второй тип – групповая или агрегатная устойчивость (*persistenza di gruppo, di aggregati*) – инертность, консерватизм, упорство в вере. Эти типы поведения более или менее соответствуют упоминавшемуся выше делению на «львов» и «лисиц». Они также лежат в основе объяснения разработанной Парето теории циркуляции элит. Во всех обществах, согласно Парето, существуют элиты и руководимые ими массы. Понятие элиты также не имеет у Парето четкого и однозначного определения. С одной стороны, элиту составляют люди, достигшие выдающегося результата в своем виде деятельности, которым может быть и мошенничество. Знаменательно, что здесь, как и во многих случаях, социолог следует по стопам Макиавелли, который в гл. X кн. I «Рассуждений» говорит об иерархии разного рода профессий и об успехах людей в рамках этих занятий. С другой стороны, элита – это группа, управляющая обществом и концентрирующая в своих руках максимум доходов. В ней могут преобладать, например, «лисицы», которые склонны к методам достижения согласия путем обмана и манипуляций; во времена Парето это была прослойка, называемая им демагогической плутократией. Другой способ управления – силовой – практиковался военно-бюрократическими слоями, оттесненными демагогической плутократией в ходе Первой мировой войны от власти почти во всех странах Европы. Двум лагерям плутократии – военному и демагогическому – Парето противопоставляет классы землевладельцев и трудящихся. Ни одна из элит не может удерживаться у власти до бесконечности; рано или поздно происходит их смена, но ротация может осуществляться и относительно незаметно, если правящие верхи открыты для проникновения наиболее способных и достойных лиц снизу, и насильственным путем – по мере деградации правящего класса и усиления оттесненных от власти групп. Такая смена тоже происходит не одномоментно, о ее приближении или удалении можно судить по степени ослабления или укрепления центральной власти. Через деградацию элит и их ротацию, через централизацию и децентрализацию осуществляются циклы, определяющие судьбы общества и отражающие множество волнообразных процессов, из которых складывается динамическое равновесие¹⁰.

Важной и существенной чертой системы Парето является подразумеваемая в ней взаимосвязь разных сфер жизни общества, в частности политики и экономики. В последней сфере одним из главных факторов ему представляются колебания между продуктивными

¹⁰ Одна из формул Парето характеризует равновесие как состояние, когда никакое улучшение положения одного индивида невозможно без одновременного ухудшения положения других.

видами деятельности и, условно говоря, спекулятивными. К первым он относит производство, выделяя особенно сельское хозяйство, и направленную на него предпринимательскую деятельность. Спекулятивной является игра на бирже и всевозможные виды извлечения денег «из воздуха». Политические отношения и инициативы правительств, начиная с налогов и заканчивая военными действиями, непосредственно воздействуют на экономическое состояние общества, на распределение доходов и прямо или косвенно на производство богатств.

Можно сказать, что построения Парето заполняют некоторые пробелы в марксизме, констатируя определенное соответствие политических и других «надстроечных» форм формам общественного производства. Парето пытается на строго научной основе исследовать механизм осуществления незыблемых социальных и исторических законов через сознательную, а лучше сказать: псевдосознательную деятельность людей в ее бытовых, идеологических, политических и прочих проявлениях.

Макиавелли, как уже было сказано, является в этом отношении его прямым предшественником. Заявление Макиавелли о том, что он хочет изучить не воображаемую, а настоящую правду вещей (Государь. Гл. XV), перекликается с программным тезисом Парето о его верности логико-экспериментальной науке. Собственно, здесь есть некоторое противоречие. Швейцарский социолог, с одной стороны, часто оговаривается, что он не желает вступать в область прогнозов, связанную с зыбкими человеческими чувствами, с деривациями, искаженно отражающими реалии, с суждениями, неизбежно остающимися гадательными из-за отсутствия доступных массовых данных. В то же время его теории покоятся в значительной степени на понимании определяющей важности этих субъективных материй и на попытке их учесть, в том числе путем установления законов и выведения математических формул.

Важным шагом на этом пути было исследование человеческой деятельности как целесообразной и введение понятия «объективная цель»; несмотря на то, что на самом деле все цели субъективны, предпринимаемые действия не всегда ведут к желаемому результату. Осознанные поступки не всегда выражают смысл предпринимаемых действий, который может быть заслонен от индивида другими целями; например, желание утолить голод не обязательно должно осознаваться как задача пополнить энергетические запасы организма. Классы действий, в которых объективная и субъективная цели не совпадают, Парето относил к нелогическим. В своем стремлении ограничиться сферой строгой науки он сам, на мой взгляд, не во всем логичен, когда выводит за ее пределы человеческую субъективность и условия ее формирования. Разделяя опыт и оценку, разграничивая объективное и субъективное, выводя область морали за пределы науки, Парето как бы молчаливо возвращается к раскритикованному им тезису предшествовавших экономистов о том, что все люди одинаково стремятся к единой цели, ведущей к общему благу; у Парето ее место занимает статистически преобладающий своекорыстный интерес. Здесь можно видеть отход от социологического релятивизма, открытие которого он ставил себе в заслугу.

Возможно, здесь нет вопиющего противоречия, но при желании фигуру ангорского затворника можно представить довольно неоднозначной. Это был теоретик, стремившийся увидеть результаты своих изысканий на практике, создатель систем и публицист, радикальный демократ и противник социалистической власти, ученый наблюдатель и обличитель плутократии.

Последние работы Парето являются в некотором смысле итогом его творчества, в них он пытается (как, впрочем, на протяжении всей жизни) приложить к текущим событиям теоретические постулаты, которые были им выработаны. Очерк «Трансформация демократии» представляет собой анализ экономических и социально-политических процессов, наблюдаемых в послевоенной Европе. С точки зрения его автора, общество вступило в кризис, характеризующийся ослаблением и развалом центральной власти. Парето предвидит боль-

шие перемены, завершение одного исторического цикла и начало другого. Традиционная демократия с ее парламентаризмом, всеобщим избирательным правом, свободой торговли и протекционизмом, либеральными ценностями клонится к закату; ее экономическая система утрачивает эффективность и не обеспечивает прирост общественных богатств; правящая элита погружена в спекуляции и поглощена своекорыстными планами; правительства стараются удерживать массы в повиновении с помощью все новых подачек и не думают о завтрашнем дне. Новые силы представлены профсоюзами и другими рабочими организациями, которые захватывают предприятия, организуют стачки, устанавливают рабочий контроль, диктуют свою волю властям и, не считаясь с писаными законами, навязывают обществу свои требования, такие как сокращение рабочего дня и ничем не обоснованное повышение заработной платы. Действия рабочих не встречают серьезного отпора со стороны буржуазии, которая отчасти утратила способность отстаивать классовые интересы, отчасти руководствуется ложными демократическими лозунгами относительно прогрессивной роли пролетариата, равенства, прав человека и т. д. Кто-то верит в них искренне, кто-то на них греет руки.

Парето не верит в прогресс, но не собирается поддаваться эмоциям, которые, впрочем, отчетливо заметны в его публикациях. Он не сочувствует пролетариату, однако не сочувствует и буржуазии, по крайней мере той ее части, которая пустилась в сомнительные спекуляции. Его симпатии на стороне собственников, но не плутократов, а бережливых предпринимателей, сельских хозяев, рантье, имущих, подвергающихся все более жесткому налоговому давлению. Их вклад в общественное производство, осуществляющийся через накопление капитала, представляется ему, очевидно, решающим. Впрочем, Парето предпочитает придерживаться позиции ученого наблюдателя, который не станет выдавать желаемое за действительное и строит свои прогнозы только на тех положениях, которые можно верифицировать, – на опытных (исторических и статистических) данных, на повторяющихся ситуациях. Он не является приверженцем партии или некоей гипотезы, пусть даже научной, которая позволяет отдавать предпочтение тем или иным социальным силам на основании их большей правоты или прогрессивности. Любопытно, что Парето не выделяет той или иной формы собственности как предпочтительной; он рассматривает коллективную и даже государственную собственность наравне с частной и не предрекает поражения или триумфа ни одной из них. Он лишь отмечает, что в современном производстве непосредственно руководит предприятием и выполняет организационные функции, как правило, одно лицо или небольшая группа лиц.

В журнальных и газетных статьях Парето, как мы уже отмечали, постоянно делает отсылки к своей системе и разъясняет используемые им термины. При всех оговорках о верности логико-экспериментальной науке эта система (особенно в ее конкретных приложениях) оставляет двойственное впечатление. Парето отвергает социалистическую теорию и идею диктатуры пролетариата из-за присущего им утопизма. Сам он не строит гипотез относительно характера будущего общества и ограничивается утверждениями, которые можно сделать относительно неизбежных событий (таковых очень мало) или наступающих с большой долей вероятности.

Беда в том, что наука не очень помогает в предвидении подобного рода событий. Неизбежно наступающие события заранее становятся очевидными почти для всех, во всяком случае для тех наблюдателей, которые располагают некоторым опытом и знаниями и следят за развитием ситуации. Вероятные события тем и отличаются, что предсказать их невозможно, они могут наступить или не наступить; куда легче объяснять их в исторической ретроспективе задним числом, поэтому неизменной популярностью пользуются всевозможные шарлатаны, астрологи и знаменитые предсказатели типа Нострадамуса, чьи туманные периоды почти всегда можно истолковать в ту или иную сторону постфактум. Сам Парето восприни-

мал такие прогнозы в виде особых проявлений нелогических действий, в которых заключено некоторое рациональное зерно (см. его излюбленный пример о прорицании Дельфийского оракула относительно битвы при Саламине и афинских деревянных стен). Для установления основной связи фактов бывает достаточно эмпирических знаний и здравого смысла; системы и теории, научно открывающие то, что скрыто от простых смертных, мало что добавляют. Швейцарский социолог признает это, когда с одобрением и отчасти критически разбирает, допустим, речи дона Стурдзо, содержащие оценки, в основном совпадающие с его собственными.

В чем же тогда результат многолетней работы инженера и социолога, можно сказать, социального инженера, какие плоды принес его труд, кроме констатации того, что не стоит прогнозировать того, что невозможно предсказать? Во-первых, следует заметить, что наука обращается прежде всего к процессам, которые носят устойчивый и длительный характер. Стоит обратиться здесь к сравнению Парето с ученым, который в 20-е гг. делал первые шаги на поприще истории; я имею в виду Ф. Броделя. Французский историк, вдохновлявшийся, как и швейцарский ученый, идеей математизации истории и сближения обществоведения с позитивными науками, поставил во главу угла изучение долговременных, почти неизменных структур, прослеживаемых за волнующейся рябью фактов, а события счел малосущественными с точки зрения рисуемой историком широкомасштабной картины.

Здесь нет места для анализа не только понятия «событие», но и того, как оно соотносится с фактами и структурами; достаточно сказать, что сами исторические циклы и периоды могут рассматриваться как большие события. Но устойчивые тенденции и повторяющиеся ситуации распознать, в общем-то, легче, чем предсказать конкретные результаты – кто победит в войне или когда наступит кризис¹¹? Парето отчасти подтверждает этот тезис там, где он, как впоследствии Бродель, – замечательное совпадение, говорит о трех типах колебаний. «При рассмотрении краткосрочных, точнее, очень кратких, колебаний часто эмпирический подход помогает больше, чем научный. Что касается средних, то здесь они выступают на равных, если эмпиризм сочетается со знанием о многочисленных циклах, совершавшихся в прошлом. Исследование длительных и очень долгих колебаний является уделом науки» («Прогнозирование социальных явлений»). Эмпирические знания Парето предлагает дополнить анализом фактов, которые характеризуют динамическое равновесие общественных процессов. Если бы можно было знать все факты, можно было бы давать точные прогнозы. Так некогда Макиавелли писал о гипотетическом мудреце, который мог бы повелевать звездами¹².

В итоге научно-публицистические произведения Парето представляются, с одной стороны, набором иллюстраций к довольно-таки банальным общим положениям его системы (таковы общие положения всех систем, об этом мы говорили вначале) – это циклы централизации и децентрализации власти, чередование анархии и порядка; в конце концов, и идея о ротации элит не является экстраординарным открытием. С другой стороны, в них присутствуют точные прогнозы, которые могут быть результатом как научного анализа, так и хорошего знания истории; это, в частности, предположения о том, что Россию ожидает приход к власти нового Ивана Грозного¹³, или более спорный тезис относительно восстановления

¹¹ Отдельный вопрос, что именно хотят знать люди и что именно понимается под предвидением будущего. Люди и общества озабочены прежде всего собственной судьбой, их мало волнуют отвлеченные научные закономерности. Парето обращает на это внимание, когда говорит о различиях эмпирического и научного подходов.

¹² «Если бы был человек, настолько умный, чтобы постичь все времена и положения и приспособиться к ним, то ему всегда везло бы и он не жаловался бы по меньшей мере на судьбу, тогда оправдалась бы поговорка, что мудрый повелевает звездами и роком». Фантазии, адресованные Содерини (Ghiribizzi al Soderini).

¹³ Но похожие прогнозы Парето делает и в отношении Италии, когда он предрекает возможность радикализации рабочего движения и прихода местного «Ленина», или укрепление власти прежней элиты с помощью диктатуры. В последнем случае можно сказать, что он предвидел вероятность появления Муссолини и Гитлера, но здесь он был далеко не одинок,

обычного (дореволюционного) неравномерного распределения доходов при советской власти. Некоторые высказывания швейцарского ученого предрекают наступление всеобщего экономического кризиса (который и разразился в 1929 г.) и Второй мировой войны («Будущее Европы: точка зрения итальянца»).

К числу малоудачных предвидений Парето последних лет можно отнести соображения, которые он высказывал по основному, наверное, для него вопросу о будущем Италии и о роли фашизма в этом будущем и – шире – в судьбах Европы. Собственно говоря, в своих прогнозах швейцарский социолог, как мы уже отмечали, был очень осторожен и подчеркивал, что хочет оставаться в рамках строгой науки, которая в своих обществоведческих проявлениях не достигла еще такой точности, как в естественных дисциплинах.

Поэтому с точки зрения научной строгости к нему трудно предъявить серьезные претензии в этом пункте. Речь идет скорее о сфере интересов и чувств, которую Парето считал плохо поддающейся научному анализу, а тем более расчету, но за объективизмом его статей просматриваются вполне определенные человеческие оценки и симпатии. Как я уже говорил, его возмущали агрессивные и беспардонные, по его мнению, действия профсоюзов, раздражало бессилие и сервильность власти. Тем не менее Парето старается быть беспристрастным и отмечает, что с уверенностью можно говорить лишь о наличии кризиса и что выходов из этого кризиса может быть несколько, в том числе установление некоего нового социалистического устройства (некоммунистического), не обязательно провального и не обязательно пагубного для производства. В то же время он с некоторой надеждой следит за деятельностью третьей силы, представленной нарождающимся фашизмом и обещающей восстановление жесткого порядка в стране. Трудно сказать, проявляется ли в этом такой же утопизм, как тот, который был вменен самим Парето теоретикам диктатуры пролетариата; во всяком случае, нельзя не заметить, при всех оговорках, делаемых публицистом в его последних статьях («Феномен фашизма» и др.), что энергичная политика фашистов и их вождя, бывшего социалиста Муссолини, встречается им с сочувствием. В Муссолини он видит нечто вроде макиавеллиевского вооруженного пророка, способного силой подкрепить веру. Парето, собственно, объясняет, почему в Италии не произошло социалистической революции – у социалистов не нашлось лидера, подобного Ленину.

Отчасти созданию сомнительной репутации Парето способствовало то, что при фашистах, буквально в последние месяцы жизни писателя, к нему пришло, наконец, запоздалое общественное признание. Он был назначен представителем Италии в одной из комиссий Лиги наций, с подачи Муссолини ему было предложено звание сенатора Итальянского королевства. Не в последнюю очередь эти факты привели к формированию репутации Парето как человека, симпатизирующего фашизму, и чуть ли не его теоретика¹⁴. На самом деле уже на основании некоторых идей, высказанных Парето в этот период – о необходимости соблюдения свободы мнений, особенно в преподавании; свободы печати, умеренности («Феномен фашизма», «Свобода») – можно сделать вывод, что он не изменил либеральным убеждениям своей молодости, и предположить, что пути Парето и фашизма в дальнейшем должны были разойтись. Ученый говорит об упадке демократии и об угрозе нового Средневековья, но оптимистического варианта развития событий, кроме упований на умеренность и благоразумие фашистов, не предлагает. Надежды Парето не оправдались, зато подтвердился установ-

такую перспективу видели многие «эмпирики», публицисты, политики и ученые. Что же касается сущности фашизма, то очень скоро в суждениях Парето, сперва питавшего некоторые иллюзии, появляются нотки разочарования, о чем сказано ниже.

¹⁴ Фашисты использовали некоторые термины, заимствованные у Парето, например, «плутократия» (хотя он его не изобрел). Кроме того, отдельные натуралистические подходы последнего, такие как учение об органической смене больших, упадочных элит здоровыми, напоминающие псевдонаучную теорию пассионарности, близки построениям расизма.

ленный им универсальный (по его мнению) закон: в обществе правит меньшинство, обманывающее массы.

Как бы то ни было, после того как швейцарский писатель покинул этот мир (20 августа 1923 г.), ничего кардинально нового с точки зрения общественного строительства не было изобретено, а Италия вместо ожидаемого очередного вклада в копилку цивилизации¹⁵ пережила одну из самых печальных страниц своей истории. Демократия выжила, сохранилась в обновленном обличье и реализовала свои преимущества перед диктатурой; а может быть, так повернулось колесо Фортуны. К сожалению, «демократия»¹⁶, которую сегодня пропагандируют как светлое будущее, сохранила все свои недостатки, о которых Парето говорит применительно к демагогической плутократии. Парето не знал, что печатание денег может при определенных условиях стать *почти* неиссякаемым источником богатства, он только предостерегал от этой иллюзии. Фашизм оказал плохую услугу человечеству, которое никак не успокоится на золотой середине между деспотическим порядком, превращающимся в произвол, и открытым обществом, чреватым анархией и вопиющим неравенством. Существует ли такое среднее состояние? Было бы очень полезно продолжить опыты Парето, развить его мысли о прогнозировании с помощью исследования общих законов и т. д., но его наследие изучают сегодня преимущественно историки, а от них трудно ожидать революционных открытий.

Труды Вильфредо Федерико Дамазо Парето, как и труды любого ученого, предлагают нам формулы, которые могут пригодиться для определенных целей. Вопрос в том, насколько это обществоведение вписывается в понятие науки. От науки мы хотим узнать прежде всего, как всё устроено, от социологии – как устроено общество, от истории, в частности, как было. Тем самым наука удовлетворяет нашу любознательность, наш инстинкт познания. Во-вторых, она должна подсказывать людям, как надо поступать с точки зрения целесообразности, достижения результатов, технологии, но также и морали, общепринятых ценностей. Физика или математика в этом смысле являются такими же учительницами жизни, как история. Научность не отрицает, а требует от исследователя понимания тех целей, ради которых он работает.

В-третьих, желательно получить от науки прогноз: как именно будет (таковы были лозунги позитивизма и логико-экспериментальной науки Парето) – истина выше морали. Однако наука в определенном смысле сама есть миф, продукт веры в то, что все можно понять и предупредить, предсказать, веры во всемогущество разума и опыта. Религия научного свободомыслия отличается от других религий только тем, что допускает справедливость чужих мнений и ошибочность своего. Обмен мнениями и диалог с учеными разных эпох – необходимое условие существования науки. Отсюда ценность и актуальность наследия¹⁷ Вильфредо Парето несмотря на очевидный пессимизм скрывающегося за экзотическими терминами и формулами определенный положительный заряд, уверенность в правильности избранного пути познания.

¹⁵ «Италия, которая была родоначальницей стольких форм цивилизации, может внести свой решающий вклад в становление еще одной из них». Статья «Свобода».

¹⁶ Я употребляю это слово в кавычках, потому что речь идет в данном случае о том, что Парето называл деривацией – конструкте, имеющем большую идеологическую нагрузку.

¹⁷ На русский язык к настоящему времени переведен ряд сочинений Парето: О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10; 1996. № 1, 2, 7, 10 (Un'applicazione di teorie sociologiche); Компендиум по общей социологии. М.: ГУ-ВШЭ, 2007; Социалистические системы. М.: Директмедиапаблишинг, 2007; Отрывок из «Трансформации демократии» не очень удачно переведен с англ. в изд.: Тексты по истории социологии XIX–XX вв.: Хрестоматия / Сост. и отв. ред. Добренев В. И., Беленкова Л. П. М.: Наука, 1994. Очерк жизни и творчества Парето на рус. яз. см.: Рахшмир П. Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001 (Вильфредо Парето: экстравагантный элитист. Судьба либерала в Италии), есть также в электронном виде.

Марк Юсим

Трансформация демократии

I. Вводные замечания¹⁸

Название этой работы неточно, оно используется здесь за неимением лучшего.

Прежде всего термин «демократия» так же неопределен, как многие другие термины повседневного языка. Самнер Мэйи¹⁹ полагает возможным преодолеть трудности, связанные с его использованием, заменив его выражением «народное правление» – так он назвал свои очерки. Но это выражение не намного лучше упомянутого термина и навряд ли можно облечь в правильную и точную форму то, что расплывчато и эфемерно.

Ведь государства на самом деле не подвержены резким трансформациям. Они находятся в непрерывном изменении, как живые организмы, меняющиеся со временем. Именно такое социальное движение мы собираемся здесь анализировать.

С точки зрения опыта мы должны его классифицировать, в том числе в рамках совокупности социальных явлений; в противном случае нас подстерегает опасность вместо объективного исследования ограничиться субъективными впечатлениями, навеянными минутой.

Здесь возникают две сложности. Анализ общества в целом многотруден, уже попытка к нему приступить потребовала создания двух томов «Социологии». Поэтому я вынужден, вопреки собственному желанию, отослать читателя к ним, чтобы не пускаться в рассуждения, которые здесь неуместны²⁰; но чтобы избавить его от чтения этой книги во всех подробностях, я предваряю данную работу кратким ее изложением. Вторая сложность связана с тем, что даже рассмотрение череды трансформаций народного правления, к которым относятся и сегодняшняя, требует исследования массы исторических материалов. Малая часть их, которую мне удалось изучить, настолько велика сама по себе, что рассказать о них невозможно даже в общих чертах. Придется ограничиться несколькими примерами.

Читатель, который пожелает углубиться в подробности, может обратиться к многочисленным и превосходным книгам, посвященным этому предмету. Я, разумеется, не столь самоуверен, чтобы вступать в соревнование с их авторами; напротив, я признаю, что почерпнул из них все свои скромные познания, и если я не привожу всех и даже многих цитат из этих книг, то не затем, чтобы скрыть эти заимствования, а только из недостатка места, а также потому, что я не занимаюсь в данном случае историей политических учений.

Меня не останавливает уважение к авторитетным мнениям, если я вижу, что они расходятся с фактами; факты, с точки зрения опытного метода, авторитетнее мнения любого ученого из нашего сообщества.

Напомним некоторые общие положения, содержащиеся в «Социологии».

Мы должны рассматривать содержание всякого общественного явления, способ его изучения в прошлом и соображения, которые высказывались по его поводу.

¹⁸ Rivista di Milano. 1920. 5 maggio. P. 5–14; 1920. 20 maggio. P. 45–53; 1920. 5 giugno. P. 91–100; 1920. 5 luglio. P. 193–202. Эти четыре очерка, опубликованные пятью порциями, через год были изданы отдельной брошюрой, к которой Парето прибавил эпилог. «Трансформация демократии» увидела свет в Милане в 1921 г., в типографии издателя Корбаччо; ее объем 141 страница в формате 8°. Эта брошюра под названием «Трансформации демократии» в 1946 г. была переиздана издательством «Гуанда» под редакцией Марио Миссироли, который снабдил ее кратким, но содержательным предисловием. Тот же Миссироли был редактором новой публикации сочинения в издательстве Каппелли (май 1964 г.) с тем же предисловием, к которому он добавил две страницы текста. Статья Миссироли очень важна с точки зрения истории распространения политических идей Парето в Италии. – *Прим. итал. ред.*

¹⁹ Генри Джеймс Самнер Мэйи, английский правовед и историк (1822–1888). – *Прим. итал. ред.*

²⁰ При этом мы будем приводить в скобках номер параграфа «Социологии», к которому делается отсылка.

Наиболее устойчивая и важная с точки зрения содержания часть связана с чувствами и интересами (§ 2146). Первые были подвергнуты анализу в «Социологии», при этом были выделены определенные элементы, названные остатками; о вторых там тоже шла речь, отчасти они рассматривались в «Политической экономии».

Форма проявления чувств и интересов, а также их логические последствия чрезвычайно изменчивы; об этом рассказывают исторические сочинения, особенно новые, исследующие происхождение институтов.

Люди, склонные следовать предрассудкам, обращают внимание на очевидные факты. Если цивилизованные народы сегодня не считают, что солнце каждый вечер опускается в океан, то иные их верования не больше соответствуют действительности, чем это. Кроме того, желание не довольствоваться знанием «как», но доискиваться также «почему» вполне естественно. Ответ на этот вопрос с известными ограничениями дает логико-экспериментальная наука, но так как названные ограничения людей раздражают (ведь они не любят преходящего и стремятся к абсолюту) и так как экспериментальная наука всегда плохо использовалась и малопригодна для использования в общественных дисциплинах, вместо нее за ответом обращаются к лженаукам, которые истолковывают факты с помощью чувств, предрассудков, под влиянием, часто не осознанным, интересов и другими способами, чуждыми логико-экспериментальной науке. Так появляются на свет продукты мысли, которые в «Социологии» мы назвали деривациями.

Деривации бывают самого разного рода, часто они сверкают всеми цветами радуги и столь же мимолетны, но под этой пестротой, как и во многих других случаях, кроется нечто постоянное, о чем подробно сказано в соответствующем разделе «Социологии».

Анализом этого предмета не занимается ни метафизика, которая исходит из абсолюта, ни эмпиризм, довольствующийся поверхностным сходством. Чтобы объяснить сегодняшние явления, он обращается к сходным явлениям прошлого, но не находит (и не может найти) их, потому что история никогда не повторяется; число комбинаций, возникающих из элементарных человеческих действий, бесконечно; история рассказывает только об этих комбинациях.

Общественное устройство никогда не пребывает в неподвижности; это процесс вечного становления, который идет более или менее быстрыми темпами. Это относится и к Античности – от Спарты до Афин, и к современности – от Китая до Англии. Разница в том, что движение может быть медленным, как в Спарте или в Китае, либо ускоренным, как в Афинах и в Англии. Такие же различия наблюдаются в одной и той же стране в разные эпохи. Например, Италия находится в постоянном процессе перемен, начиная от доисторических времен Ромула до наших дней, но его интенсивность от года к году меняется.

Нетрудно понять, как определяется начало новой эры: для адепта христианской религии – от пришествия Христа, для мусульманина – от Хиджры, для приверженца демократических религий – от учреждения Третьего интернационала, от ленинской революции и т. д.; логико-экспериментальная наука никоим образом не претендует на суждения в этой области, поскольку это вопросы веры, выходящие за рамки опыта. Но если оставаться в этих рамках, если изучать события с фактической стороны, не обращаясь к вере, то можно заметить, что названные эры только формально можно назвать новыми, а по существу указанные даты соответствуют пикам кривых, отображающих непрерывное движение. Иначе говоря, было христианство до Христа, магометанство до Магомета, демократия до французской революции и большевизм до Ленина.

Такой взгляд на вещи, сознательно отстраняющийся от веры, полезен и необходим для экспериментальной науки, но очень часто он вреден для дела. Скептицизм хорош в теории, вера же побуждает к действиям, а практическая жизнь наполнена ими. Идеальные цели могут быть абсурдными и в то же время полезными для общества; об этом нам придется часто вспоминать, потому что это положение часто упускают из виду.

Это различие между пользой для опытной науки и пользой для общества относится к числу фундаментальных; я подробно писал об этом в «Социологии»; здесь же я упоминаю о нем во избежание недоразумения, связанного с тем, что простая передача фактов и высказанные мной соображения на их счет часто воспринимаются как призыв к действиям в определенном направлении. Если на основании фактов я делаю вывод, что наша буржуазия движется к гибели, это не свидетельствует о моем намерении оценить этот процесс как плохой или хороший, так же как я не мог бы дать оценку подобному процессу упадка феодальных сеньоров, начало которому положили Крестовые походы, или призвать буржуазию изменить поведение, или усовершенствовать нравы, вкусы, избавиться от предрассудков, или тем более объявить, что у меня есть рецепт лекарства от болезней буржуазии, или, если угодно, общества в целом. Напротив, я открыто заявляю, что если такое лекарство и существует, мне оно неизвестно; я выступаю в роли врача, который диагностирует у больного туберкулез, но не знает, как его излечить. Позволю себе добавить, что пока общественные науки не продемонстрировали существенных достижений, эмпирик и человек действия часто более успешно врачуют общественный организм, чем теоретик и ученый, хотя первые и могут почерпнуть нечто из арсенала последних.

Рационализм, который можно считать разновидностью интеллектуальной религии, утверждает, что расхождений между теорией и практикой, между логическим пониманием возможного и верой в невозможное, в фантазию, а также между действительными и идеальными целями не должно быть и что следует стремиться к исчезновению этих расхождений. Возможно, это справедливо, но мы изучаем то, что есть, а не то, что должно быть; ход наших рассуждений изменится, когда изменятся его предпосылки – чувства, вкусы, интересы, образ действий людей, но не ранее того (§ 2411).

На это можно возразить, что если такие перемены стоят на повестке дня, для науки было бы неплохо уже сейчас приступить к их рассмотрению; однако ход события за последние две с лишним тысячи лет несколько не свидетельствует об их приближении. Поэтому предоставим заботу об изучении социологии человека будущего потомкам и удовольствуемся исследованием человека вчерашнего и сегодняшнего дня, а также ближайшего будущего.

Боюсь, что по мере моего движения вперед группа согласных со мной читателей редет, и теперь, когда мне нужно приступить к выводам из изложенных принципов, она растает. Тем не менее о них нельзя умолчать.

Первый вывод заключается в том, что поскольку всякий политический режим является следствием предшествующих режимов и истоком будущих, при желании дать ему абсолютно позитивную или негативную оценку мы должны оценить все эти будущие политические режимы, число которых бесконечно²¹. Поэтому мы не сможем дать такой оценки, а будем вынуждены отказаться от абсолютного и обратиться к преходящему, а также определить понятия добра и зла и исследовать только ближайшие последствия рассматриваемого политического режима, установив приблизительные границы этого ближайшего периода.

Проскрипции, введенные триумвирами в Риме, террор времен первой французской революции, репрессии большевиков – благо или зло? На этот вопрос можно ответить с помощью чувства, веры, основанных на априорных постулатах рассуждений и т. п., но не с помощью логико-экспериментальной науки.

Отдаленное подобие понимания связи разных феноменов представляет собой утверждение Клемансо о том, что Французскую республику следует воспринимать в целом, как нечто единое, и кого устраивает ее часть, должно устраивать и все остальное. На этом примере хорошо заметно различие между научным рассуждением и деривацией. Высказав

²¹ См. § 2338 и 2548 «Социологии» (В-2).

свой принцип, Клемансо, желая следовать логике, должен был бы распространить его и на нынешнюю русскую революцию. Но он этого не делает, не приводя доводов и не рассматривая русскую революцию как единое целое; осуждает ее за террор, отказываясь осуждать за то же самое французскую революцию.

Воспользуемся случаем заметить, что описанный факт представляет собой частный случай общего правила. О социальных явлениях, которые постоянно повторяются, трудно сказать что-то действительно новое, ведь они должны откладываться в умах наблюдавших их интеллектуалов; разница между приведенным мнением и тем, которое высказывается наукой, заключается лишь в большей степени приближения к истине, добытой опытом.

Так, мнение невежды о тучной и скудной почве отличается от мнения химика; последний, в отличие от первого, знает, из каких элементов состоят названные почвы, определения которых для первого точны и приемлемы, а для второго неопределенны и должны быть исключены из строго научного рассуждения. Поэтому было бы безмерной глупостью отрицать прогресс, проделанный химией, или говорить, что химик повторяет невежду; так поступают те господа, которые утверждают, что всякая новая теория заимствована у старых авторов, и даже находят у Аристотеля идеи, высказанные Дарвином.

Если говорить об экономике, то в библейском упоминании о семи жирных и семи тощих коровах, как и в труде Клемана Жюглара²² об экономических кризисах, речь идет о маятниковых колебаниях, но степень их приближения к реальности различна. То же самое в отношении социального устройства можно сказать о приближении к реальности метафизической теории Вико, концепции Феррари и современной логико-экспериментальной науки²³.

Тщательное изучение фактов приводит нас к важнейшему выводу, что «колебания отдельных частей социального феномена связаны между собой, как и сами эти части, и попросту выражают происходящие в них изменения. Если прибегнуть к обманчивому понятию „причины“, то можно сказать, что нисходящий период есть причина восходящего периода, и затем наоборот; но это лишь означает, что восходящий период неразрывно связан с предшествующим ему восходящим, и затем наоборот; следовательно, в целом: что отдельные периоды суть проявления одного и того же положения вещей, и что мы наблюдаем их чередование, так что процесс этого чередования образует экспериментальное единообразие. Существуют различные типы таких колебаний, зависящие от времени, за которое они происходят. Оно может быть кратчайшим, кратким, длинным и очень длинным (§ 2338)».

Таким образом, нам предстоит исследовать, принадлежит переживаемая нами трансформация к кратким и случайным или ее следует отнести к среднесрочным либо долгосрочным процессам (1718).

Другой вывод связан с тем, что поиск наилучшего способа управления бессмыслен и химеричен, и не только в силу неопределенности понятия «наилучшее» (2110), но и потому, что он предполагает несбыточное условие – прекращение движения в этом наилучшем состоянии.

Даже при установлении четких ограничений сохраняются большие трудности, вызванные скудостью достижений общественной науки на сегодняшний день. Тем не менее можно надеяться, что туман, скрывающий от нас взаимозависимость социальных явлений и их единство, будет постоянно рассеиваться.

Если мы обратимся к всевозможным теориям парламентарного и конституционного государства, разработанным в прошлом веке, то увидим, что ни одна из них не объясняет происходящего сегодня: факты расходятся с ними. Если кто-то, например, перечитает

²² К. Жюглар (1819–1905) – французский экономист, основоположник теории повторяющихся циклов в экономике. Он был автором книги «Des Crises commerciales et leur retour periodique en France, en Angleterre, et aux Etats-Unis». Paris: Guillaumin, 1862. – Прим. перев.

²³ См. французское издание «Социологии», § 2330.

книги Милля о «Представительном правлении» и о «Свободе», в свое время пользовавшиеся огромным успехом, ему придется мысленно перенестись в общественную среду, которая не имеет ничего общего с современной Англией и которая покажется ему совершенно удаленной от реальности.

Кого сегодня заботит равновесие ветвей власти? Сбалансированность прав государства и индивида? Находится ли все еще в полном здравии достопочтенное моральное государство? Гегелевское государство, безусловно, – это великолепный плод фантазии, сохраняющийся для нужд поэтической или метафизической социологии, но трудящиеся отдают предпочтение более осязаемым материям, таким как повышение заработной платы, прогрессивные налоги, сокращение рабочей недели, хотя не отказываются и от собственных мифов о блаженном пролетариате, о духе зла, воплотившемся в капиталистическом строе (§ 1890), об идеальной власти советов рабочих и солдат и т. п.

Нам говорили, что война теперь невозможна, потому что вследствие развития военной техники она была бы слишком разрушительной. В крайнем случае, говорили нам, пролетарии и от их имени социалисты помешали бы развязыванию войны всеобщей стачкой или другим способом. После этих благих уверений разразилась мировая война. Всеобщая стачка не состоялась; напротив, социалисты, заседавшие в парламентах разных стран, вотируют военные расходы или не выразили особого протеста против их ассигнования. Немецкие социалисты, наследники Маркса, проголосовали за них почти единодушно, так что призыв их учителя «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» автоматически превратился в другой – «Пролетарии всех стран, истребляйте друг друга!»

Сегодня мифы и пророчества возрождаются. Согласно одним из них мир и радость всему миру должна принести Лига Наций, в которой восторжествовали лозунги защитников права, справедливости и, как прибавляют некоторые, свободы; согласно другим это будет большевизм. Разумеется, многие уже простились с этими надеждами, но немало и тех, кто искренне и всей душой уповают на них. Как ни странно, и теперь, когда наступило разочарование, люди убеждены в том, что Лига Наций станет панацеей, излечивающей все земные невзгоды. Есть и такие, правда их немного, кто все еще верит в четырнадцать пунктов Вильсона, который, в отличие от всех прежних мыслителей, якобы сумел отыскать прочные основания для идеальной республики. Но почему бы не понять их? Есть ведь и те, кто верит в силу магии и даже – как говорят – заклинает дьявола; разве мы не видим, сколь многочисленны адепты «христианской науки»²⁴?

Перейдем к выводам. Когда ставится о вопрос о том, являются ли планируемые меры правильными, справедливыми, моральными, благочестивыми, патриотическими и т. д., то речь идет об их соответствии эмоциям, в общем довольно неопределенным, некоего коллектива на данном отрезке времени, и это может быть полезно для установления согласия в указанном коллективе, но очень мало или ничего не говорит о том, можно ли провести эти меры в жизнь и когда; какие социальные и экономические последствия они повлекут.

Мало – если существует какая-то вероятность, что указанные меры соответствуют тому пониманию данного общества, которое пригодно для него уже в силу давности своего бытования (§§ 1778, 2520). Ничего – если эти меры соответствуют именно той (часто весьма существенной) стороне указанного понимания, которая оторвана от действительности.

Например, понимание того, что поход в Азию для отвоевания Святого гроба был благочестивым предприятием, помогало предвидеть прием, который глубоко верующие христиане окажут идее Крестовых походов, но оно ничего не давало для прогнозирования их экономических, политических и социальных последствий. Барон, отправлявшийся в крестовый

²⁴ Американская христианская секта, основанная в 1870-х гг. и проповедовавшая исцеление с помощью веры. – *Прим. перев.*

поход, был превосходным христианином, хотя иногда он был скорее беспокойным искателем приключений, но он несомненно был плохим феодальным сеньором, потому что этот поступок вел к деградации его сословия. Современные буржуа, очень воинственно настроенные, являются истинными патриотами (впрочем, и среди них немало хищников), однако отчасти они собственноручно приближают последний час своего класса.

В этом и во многих других подобных случаях, если результат представляется полезным для общества, можно сказать, что ему способствовали действия людей, стремившихся к идеальной цели и неосознанно вступивших при этом на путь, которого они избегали бы, если бы знали, куда он ведет.

Таким образом, одно дело – рассуждать об идеальных целях, другое – двигаться куда-то в реальности. Можно выдвигать неотразимые аргументы в пользу божественных прав королей и императоров, священной власти большинства, торжества благословенного пролетариата; такими аргументами пользовался Победоносцев²⁵, чтобы упрочить царское самодержавие. Но все эти пространные рассуждения ничего не дают для понимания последствий тех или иных преобразований.

Спарта отказывала чужеземцам в гражданстве; Рим предоставлял его косвенным образом, включая в число своих граждан вольноотпущенников. Какое суждение можно высказать относительно этих порядков: 1) с точки зрения предполагаемого равенства людей, их неотъемлемых прав, человечности? 2) с точки зрения экономических, социальных, политических условий? Это два разных вопроса, не имеющих между собой ничего общего.

Справедлив ли данный налог или несправедлив? Ответ на этот вопрос можно дать, основываясь на чувстве, и только чувство сможет его разрешить; в таком случае логические посылки, связанные с ним, будут чистыми *деривациями*. Это может быть вопрос формальной логики, и тогда его можно решить только узнав, какой смысл придается терминам «справедливый, несправедливый». Не прошло и ста лет с тех пор, как считалось, что несправедливо вводить новый налог, спрашивая тех, кто его не платит; столетиями думали и принимали за аксиому, что для взимания справедливого налога требуется согласие плательщиков; на этом покоился авторитет Палаты общин в Англии и других аналогичных ассамблей. Прогрессивный налог, представляющий собой способ отнять у зажиточных, чтобы дать бедным, из которых многие живут лучше некоторых зажиточных, – налог на капитал – считался несправедливым. Сегодня все наоборот. Излишне спорить, следует придерживаться первого, второго принципа или чего-то среднего: это зависит исключительно от значения, приписываемого используемым терминам. Но вывод относительно того, правильно или нет сделанное умозаключение, ничего не дает для решения совершенно другой проблемы, которая формулируется так: какие экономические, политические, социальные последствия повлекут данные преобразования?²⁶

Возможно, что было бы «справедливо, похвально, желательно, нравственно необходимо», чтобы трудящиеся работали несколько часов в день и получали за это огромную плату, но вопрос зависит от двух других: 1) осуществимо ли это на деле, т. е. будет ли эта плата реальной, а не номинальной? 2) какие последствия повлечет такое положение вещей?

Вероятно, некоторые читатели будут шокированы этими утверждениями и сочтут их ересью; другие, напротив, подумают, что они вполне очевидны и не стоит тратить время на объяснение этого. Первым я напомню, что с самого начала объявил о своем желании приступить к чисто опытному исследованию, не имеющему отношения к вере; вторым замечу, что

²⁵ Константин Победоносцев (1827–1907) был самым авторитетным и влиятельным из советников Александра III и Николая II. Довольно тонкий и одаренный юрист, он яростно защищал теорию божественного права и был непримиримым противником как философского рационализма, так и политического либерализма. – *Прим. итал. ред.*

²⁶ Финансовая наука движется сейчас в этом направлении. См. важнейшие исследования проф. Гвидо Сенсини и проф. Джино Боргатты, опубликованные в *Giornale degli economisti*. 1920.

многие люди далеки от признания очевидности этих рассуждений и считают их ложными и нелепыми, следовательно, бесполезно от них отмежеваться.

Итак, продолжим изложение ереси.

Определение того, что *должна* заплатить побежденная Германия, может послужить хорошей темой для упражнения в юридических спорах (лучше сказать: псевдоюридических спорах) о международных правилах морали, о справедливости и т. п.; знание того, как истребовать контрибуцию, не употребляя этого слова, которое шокирует Вильсона, – это самое настоящее упражнение в *деривациях*. Но по практическим соображениям, все это не может заменить рассмотрения того, что *может* заплатить Германия, и того, что для победителей *имеет смысл* истребовать.

Предвидеть будущее можно двояким способом: во-первых, исследовать возможное, во-вторых – наиболее вероятное. Возможно то, примеры чего встречаются в прошлом (§ 134); говоря точнее, то что логически зависит от данных, полученных при опытном наблюдении; вероятно то, что зависит от единообразия общих законов, наблюдаемого в разных случаях и в разное время (§ 556 и след.). Два типа исследования по названным выше мотивам должны быть направлены на наименее подверженные изменениям элементы явлений, а не на сложные явления, как в эмпиризме, по той веской причине, что бесполезно искать то, чего нет.

В XIX веке широчайшее распространение получил так называемый исторический метод изучения социальных явлений, с его помощью было проведено много важных исследований их происхождения. По сравнению с применявшимися до этого и в значительной мере применяемыми поныне метафизическими и этическими рассуждениями они стали большим шагом вперед, приближающим нас к опытному знанию (§ 857 и след.); но можно двинуться дальше и достичь еще более впечатляющих успехов, используя исключительно экспериментальный метод.

Какой-то социальный феномен или институт, существующий в данный момент, может непосредственно происходить из другого феномена или института, но это не обязательно. Эволюция обычно не идет по прямой (217), и сходство некоторых элементов не следует смешивать с заимствованием. Семейство хищных у птиц и кошачьих у млекопитающих имеют большое сходство между собой, но никто, даже самые отъявленные дарвинисты, никогда не утверждал, что кошачьи происходят от хищных птиц. Наши профсоюзы и средневековые гильдии также имеют много общего, но если некоторые ярые сторонники генетического метода желали бы установить между ними прямую преемственность, люди, более дорожащие опытными знаниями, решительно отрицают ее наличие.

Метафизика отправляется от абсолютных начал и нисходит к реальным фактам; экспериментальный метод отправляется от последних и восходит к общим свойствам, называемым также абстракциями. Экспериментальная абстракция ничего общего не имеет с метафизической.

Здесь это говорится к тому, что некоторые авторы в своем неведении относительно экспериментального метода их путают.

Множество экспериментальных абстракций неисчислимо. Каждый общий принцип можно выводить из другого, еще более общего, и так до бесконечности, без каких бы то ни было ограничений. Но не всегда следует придерживаться этого способа, который в иных случаях уместен, в других нет. Нужно избегать опасности выйти за пределы доступного опыта и отправиться в путешествие по воображаемым мирам. Для Ньютона было уместно остановиться на законе всемирного тяготения, в то время как для современных исследователей механики естественно желать пойти дальше, а для будущих – еще продвинуться по этому пути и превзойти сегодняшние результаты. Следует хорошо запомнить, что умение ограничить свою сферу исследования имеет первостатейную важность. Преемники Ньютона, изу-

чавшие следствия, вытекающие из принципа всемирного тяготения, которым они ограничивались, принесли огромную пользу, в то время как достигли бы противоположного, если бы обратились исключительно к поискам сути гравитации, как поступают сегодня некоторые экономисты (?), пускающиеся в пустые рассуждения о стоимости²⁷.

В «Социологии» мы говорили о некоторых элементах, названных «остатками». Нет сомнения в том, что это лишь один термин из бесконечного ряда обозначений общих явлений и что рано или поздно можно будет двинуться дальше и обозначить еще более общие явления, как нет сомнения в том, что это наверняка случится и что невозможно объяснить *всего* одним способом. Было бы явным противоречием утверждать, что экспериментальный метод не претендует на абсолютную истину, и при этом пытаться объяснить *все* с помощью нескольких принципов. Тем не менее (я говорю от своего имени, а не от имени всех) посмотрим, что можно извлечь из этих общих явлений; это будет более трудоемкое, более скромное, более приземленное предприятие, чем полет фантазии в бесконечных пространствах за пределами опыта, но также и более полезное. Это относится, как уже было сказано, к научной стороне дела, а не к той, которая побуждает людей к поступкам.

Если кто-то заметит, что первое гораздо менее важно, чем второе, он будет прав и я не стану с ним спорить. Пусть кто-то занимается изучением того, что он считает главным, и согласится с тем, что наряду с множеством других второстепенных дисциплин будет разработка логико-экспериментальной теории. Чтобы определить аспекты поставленной нами проблемы, обратимся к аналогичным явлениям; каждому аспекту соответствуют разные явления. Тому, кто внимательно следит за повседневным ходом событий, очевидны три основных момента, а именно: 1) ослабление центральной власти и усиление анархии; 2) ускоренное развитие цикла демократической плутократии; 3) трансформация настроений буржуазии и правящего сегодня класса.

К этим моментам мы и обратимся в дальнейшем.

²⁷ Например, «стоимость» как абстракция, выведенная из фактов, не имеет ничего общего со «стоимостью» как метафизической сущностью, господствующей над фактами и претендующей на их объяснение. Тому, кто не понимает этого, экспериментальный метод недоступен.

II. Разрушение центральной власти

Во всяком человеческом сообществе друг другу противостоят две силы. Одна из них, которую можно назвать центростремительной, способствует концентрации центральной власти, другая, которую можно назвать центробежной, подталкивает к разделению.

Для целей этой работы нам достаточно сказанного; к сожалению для читателей «Социологии», позволим себе небольшое отступление, чтобы рассказать о взаимоотношениях этих сил с остатками.

В основном они зависят от рода, названного нами устойчивостью отношений человека с другими людьми и местами, а также от некоторых родов класса, названного остатками в отношении социальности.

Наращение интенсивности остатков семейных и коллективных (в том числе независимых от семьи) отношений близости, потребности в особых социумах, часто связанное с экономическими условиями, ослабление потребности в единообразии, очень часто связанное с остатками чувств, определяемых как религиозные, повышение интенсивности некоторых иерархических ощущений в сравнении с другими укрепляют центробежную силу и ослабляют центростремительную.

В вечном движении точка равновесия этих двух сил постоянно смещается то в одну, то в другую сторону, и все время по-разному, не следуя какому-то правилу; эти колебания проявляются в виде самых разнообразных феноменов. Один из них, наблюдавшийся в Средние века в Европе, получил название феодализм.

Во Франции этот период представляет собой второе и более амплитудное колебание, последовавшее за первым, не столь значимым. Монархия Меровингов, располагавшая довольно сильной центральной властью, распалась при установлении правления Каролингов. Последние восстановили сильную центральную власть, которая снова стала разваливаться при угасании их династии и опять, спустя длительное время, возродилась в другой форме при французских королях.

В исследованиях, посвященных истории разных стран и эпох, были обнаружены похожие периоды, которые в результате использования синекдохи, заменяющей целое частью, также получили название феодальных.

Уже было замечено, что эти явления возникали и затухали, т. е. имели подвижный характер, а точнее, были колебаниями.

Это наблюдение относительно возвращения феодалов составляет достоинство теории Вико, но он ошибается, приписывая разным колебаниям одинаковую форму, и ошибается в деталях, пускаясь в фантазии, уводящие за пределы опыта.

Но и в рамках опытного поля существует масса теорий, порожденных феноменом феодализма в Европе. Я не собираюсь их описывать не только по соображениям недостатка места, но и потому, что этого не требуют задачи данной работы; однако стоит привести примеры того, что разные по форме теории имеют нечто общее по существу.

Монтескье приписывал этому феномену прямолинейность эволюции, о которой мы говорили. Он выводил вассальные отношения из обычаев народов древней Германии, которые постепенно трансформировались и привели к появлению феодалов. Теории такого рода существуют и в наше время, они особенно по душе немцам, что вполне естественно, ибо люди склонны отдавать предпочтение тем *деривациям*, которые приятны их чувствам. По той же причине авторы так называемых латинских народов, которые также придерживаются теории прямой эволюции, ищут ее начало не в Германии, а в римском обществе, а именно в прекарии, в клиентских отношениях. В реальности эти теории показывают необходимость

особых общественных форм и перемены в остатках социальности. Это относится и к теории Флаша²⁸, который видит истоки феодального общества XI–XII вв. в клане.

В теории нашего историка Пертиле²⁹ сильной стороной является критическая, но не позитивная часть. Он пишет (р. 203): «На самом деле, не говоря уже о придуманном Вико вечном законе феодализма, к которому народы обязаны постоянно возвращаться, феодалы не были порождением ни античного римского права, ни военных бенефициев империи. И то и другое лишь отчасти напоминает феодальные отношения». Это правильно, но нужно добавить, что проявляется действие сходных сил. «Клиентела состоит в личных отношениях покровительства или защиты, сходных с вассальными и включающих покорность и служение, но она предполагала даже большую близость, чем вассалитет, в частности передачу имени и право наследования между патроном и клиентом³⁰ [это различие скорее по форме, чем по существу]; но в ней полностью отсутствует вещный элемент [см. об этом «Социологию», § 1039]. Последний, как и военные черты феодала, имеет место в имперских бенефициях, где отсутствует, в свою очередь личный элемент [наш автор должен был счесть это разнообразие обстоятельств второстепенным], и сама воинская повинность предусматривалась в отношении государства, а не правителя. [Разница невелика, поскольку правитель олицетворял государство.] Кроме (р. 204) того, между этими институтами и феодалами существует временной разрыв, поэтому не может быть и преемственности. [Справедливое наблюдение по поводу конкретного случая, в котором эволюция не идет по прямой.] Уделы, распределявшиеся у варваров по жребию и очень часто именуемые предшественниками феодалов, ничего общего с ними не имеют, как потому что они передавались в полную собственность, так и потому что они не предусматривали установления каких-то правовых отношений между их владельцами и королем и не накладывали на первых никаких обязательств, в том числе военной службы. [Справедливое, но, вероятно, слишком категоричное утверждение.] Неизвестны другие пожалования земель со стороны лангобардской или меровингской казны и подобные бенефициям, которые заставляли бы возводить происхождение феодалов к эпохе варварских завоеваний... Из изложенной выше теории происхождения феодалов следует также, что с самого начала они были не произвольно отчуждаемы, а выделялись на год, впоследствии пожизненно и наконец стали наследственными, как сообщает февдист и как по сей день считают некоторые авторы».

Аналогичные теории используются для объяснения современного феномена профессиональных союзов. Кто-то изучает римские корпорации, кто-то ставит перед собой более скромную задачу – исследовать средневековые гильдии или ассоциации наемных работников той эпохи. В своей истории тред-юнионизма супруги Вебб справедливо отвергают подобные теории³¹.

«(р. 12) Мы уделили столько внимания этим эфемерным ассоциациям наемных работников и братствам поденщиков в Средние века, поскольку кто-то может утверждать не без видимых оснований, что они представляют собой зародыши тред-юнионизма. Довольно странно, что истоки тред-юнионов обычно не ищут именно в этих институтах. Чтобы обнаружить первые (р. 13) признаки современных профсоюзов, обращаются не к ассоциациям наемных работников в Средние века, а к союзам их патронов, а именно к ремесленным гильдиям. Внешнее сходство тред-юнионов и ремесленных гильдий издавна привлекало внимание друзей и врагов тред-юнионизма [обычная ошибка эмпириков, которые останавли-

²⁸ Жак Флаш – автор «Les origines de l'ancienne France» в трех томах – книги, вышедшей в Париже в 1884–1904 гг. – *Прим. итал. ред.*

²⁹ Pertile. Storia del diritto italiano. Vol. I.

³⁰ В прямых скобках комментарии автора.

³¹ Webb S., Webb B. Histoire du Trade Unionisme, traduit par Albert Métin. Paris, 1897. (В тексте цитаты даются на французском языке, я привожу их в переводе. – *Прим. перев.*)

ваются на поверхности и не пытаются с помощью анализа вскрыть более устойчивые и неизменяемые черты]; но подкрепила расхожее мнение публикация в 1870 г. блестящего очерка профессора Brentano о „Происхождении тред-юнионов“ ...

(р. 14) И когда г-н Джордж Хоуэл положил в основу своей истории тред-юнионизма парафраз исследования г-на Brentano о гильдиях, он признал тем самым, что тред-юнионы в своей еще не совсем отчетливой форме вышли из ремесленной гильдии... Предполагаемое происхождение тред-юнионов от старинных гильдий лишено каких бы то ни было доказательств, по крайней мере насколько нам известно. Исторические данные полностью противоречат этой точке зрения». Наши авторы склонны видеть истоки тред-юнионов в «(р. 40) отрыве трудящегося от собственности на средства производства»; однако они немедленно делают вполне разумное добавление: «(р. 42) Мы не претендуем на объяснение происхождения тред-юнионов только с помощью указанного отрыва».

Менее всего следует связывать это происхождение с социальными теориями; скорее наоборот. То же самое относится к теориям феодализма; они стали скорее следствием, нежели причиной феодальных отношений; то же самое можно сказать о теоретизировании по поводу королевской власти, которое было скорее следствием, чем источником ее распространения и угасания феодализма. При всем том нельзя отрицать, что теории, порождаемые некоторыми феноменами, в свою очередь влияют на развитие этих феноменов; речь идет лишь о том, что они не являются единственной (или главной) и важнейшей причиной этого развития. Поэтому нельзя отрицать также, что мифы, о воздействии которых убедительно писал Сорель, активно побуждают людей к действию; нужно только иметь в виду, что они не способствуют накоплению опытных знаний.

Супруги Вебб приводят хороший пример, иллюстрирующий эти положения, которые подробно были рассмотрены в «Социологии».

«(р. 53) Палата общин в подобных ситуациях действовала не так, как сегодня [*сегодня*, в котором писали супруги Вебб, миновало и сменилось отличающимся от него *завтра*], когда свобода договорных отношений является общепризнанной...

(р. 54) То, что палата общин никак не участвовала в принципиальном противостоянии законодательным инициативам даже много лет спустя после начала расшатывания средневековой регламентации, доказывает знаменитый случай с шелкоткачами из Спиталфилдса, когда сочли нужным вернуться к старинной практике промышленной регламентации...

(р. 55) Ясно, что парламентские ассамблеи, проголосовавшие за Спиталфилдские акты в 1765 и 1773 гг., не имели никакого представления о политической философии Адама Смита, книга которого „О богатстве народов“, впоследствии считавшаяся английским евангелием свободы договорных отношений и естественной свободы, была опубликована в 1776 г. К этому времени подобные законы были уже настолько исключительным явлением, что когда шедевр Адама Смита (р. 56) попал в руки тогдашних политиков, он должен был казаться им не столько новым словом в промышленной экономике, сколько теоретическим обобщением практических выводов, к которым опыт уже многократно подводил. В конце столетия правящие классы, благодаря новой промышленной политике обретшие источник огромных финансовых прибылей, с готовностью ухватились за новую экономическую теорию для интеллектуального и морального оправдания этой политики». Именно так они поступают и сегодня, прибегая только к тем теориям, которые выгодны для них; тогда им на руку была либеральная теория, теперь они пользуются теорией синдикализма, завтра воспользуются той, которая сможет ее заменить.

А. Ланцилло³² заметил, что события не пойдут по пути, сегодня теоретически указанному синдикализмом, но, напротив, изменится сама теория.

³² Lanzillo A. La disfatta del socialismo. Libreria della Voce. Firenze.

«(р. 269). Перед европейскими нациями встанет задача быть одновременно воинственными и торгующими, демократическими и милитаристскими... Каким образом общество будет на практике приспосабливаться к этим двум равнозначно настоятельным требованиям, мы не знаем (р. 270). Будет это общество свободной торговли или режим настоящего государственного социализма? Будет ли это новый по форме эксперимент, который по сути повторит современный режим?... Каковы будут политические последствия указанных военных нужд? Какими налоговыми мерами? Какие идеальные, моральные, религиозные представления принесет с собой новая эпоха?... Этот ряд вопросов можно продолжать до бесконечности...

(р. 277). Синдикализм сможет выполнить куда более достойную задачу, помогая создать новую идеологию, являющуюся *conditio sine qua non* нравственного возрождения западных стран, которые выйдут из войны обессиленными и растерянными».

Можно было бы привести еще немало подобных цитат; достаточно сослаться на слова А. О. Оливетти³³: «(р. 2) Синдикализм не собирается навязывать обществу готовый наряд по мерке неудачливых портных из Москвы и Петрограда. Это единственный революционный импульс нашего времени, поскольку он вызревает в повседневном опыте экономической деятельности, он нацелен на органическую, а не надуманную революцию и чуждается всех несбыточных, вымеренных планов реорганизации».

Итак, приподняв хотя бы отчасти покровы, скрывавшие от нас действительность, вернемся к последней.

Смещение точки равновесия между центробежной и центростремительными силами происходит следующим образом.

В фазе смещения в сторону центробежной силы центральная власть, будь она монархической, олигархической, народной или плебейской – неважно, ослабевает; так называемый суверенитет этой власти клонится к тому, чтобы стать пустым звуком, она разваливается и скрывается под своими обломками всю страну; возрастает влияние отдельных индивидов и коллективов, формально сохраняющих лояльность, но на практике обретающих независимость. Вследствие этого слабая часть граждан, которая не входит в их число и утрачивает покровительство со стороны государя, обращается за защитой и справедливостью к другим: кто-то вверяет себя могущественному лицу, кто-то открыто или тайно объединяется с такими же слабыми и вступает в члены корпорации, коммуны, профессионального союза.

В ходе этого процесса начинают действовать и противоположные ему факторы. По мере его нарастания покровительство превращается в порабощение; увеличивается число противников существующего порядка, если этому благоприятствуют социальные и особенно экономические условия, их силы умножаются. Лица, причастные к власти, наоборот, теряют авторитет, потому что в них ослабевает страх перед правительством и возрастает соперничество, часто переходящее в неприкрытые столкновения, ведущие к анархии и не прекращающиеся даже в фазе нового укрепления центральной власти.

Общей чертой является необходимость в защите слабых (2180), которая выражается в поисках того, кто может ее оказать: в моменты преобладания центробежных сил – отдельных лиц, а когда преобладает центростремительная тенденция – центральной власти. Когда обстоятельства складываются в пользу второй тенденции, прежнее центральное правительство или новое по форме и по существу, за короткое или длительное время, путем применения насилия или с помощью упорной работы одерживает победу над захватившей власть олигархией и возвращает себе полноту суверенитета.

Существенно, что эта трансформация часто сопровождается одним из так называемых религиозных движений. Так было в Европе на исходе Средних веков, в России во времена Ивана Грозного, в Японии в XIX в. и во многих других странах. Речь идет не о случайном

³³ Pagine libere. Milano. 1920. 15 febbraio.

совпадении, а о естественных следствиях связей, о которых свидетельствует опыт, ибо пробуждение религиозного чувства есть проявление повышенной активности чувств, названных нами постоянством агрегатов; это связующий элемент человеческих обществ.

Международные конфликты также воздействуют на процессы в центробежном или центростремительном направлении. Поражение центральной власти в войне может привести к ее падению, т. е. способствовать центробежному движению [в тексте – центростремительному – *Прим. перев.*]; результат победы может вести к противоположному. Но так бывает не всегда. Если победа была одержана путем огромных усилий и тяжелых жертв со стороны подданных, правительство может в итоге ослабнуть. Во времена ограниченных воинских контингентов, когда воевали профессионалы, этой опасности нетрудно было избежать. Преемники Александра очень долго сражались друг с другом; Римская империя находилась почти непрерывно в состоянии войны, а великие европейские монархии Нового времени на протяжении многих лет могли позволить себе такую роскошь, как постоянные войны, в которых тысячами гибли их подданные. Однако нынешняя мировая война, поставившая под ружье целые нации, значительно подорвала позиции центральной власти как в победивших, так и в побежденных державах³⁴.

Она также существенно ускорила процессы, которые в противном случае шли бы гораздо медленнее. Так называемые консервативные империи (Россия, с одной стороны, Германия и Австро-Венгрия – с другой) пали и сменились так называемыми демократическими и им подобными режимами; если бы они объединились, никто не смог бы с ними справиться. В силу раздоров, вызванных чрезмерной алчностью, и благодаря последовавшей за ними затяжной войне зашатался режим демагогической плутократии и буржуазный строй в целом поставлен под вопрос. Правящие круги не столько воспользовались заповедями империализма, сколько злоупотребили ими. Если бы они заключили мир в 1917 г., у них оставалась бы надежда продлить свое существование, но в одном лагере стремились одержать сокрушительную победу, а в другом не хотели признать свое поражение; тем самым правители сами приближали свой крах. Их противники действуют более разумно, предоставляя им бороться с неразрешимыми трудностями.

Можно привести много сходных примеров, иллюстрирующих смещение точки равновесия центробежной и центростремительной сил. Если мы обратимся к положению в Западной Европе между 774 и 800 гг., мы увидим, что центральная власть господствовала безраздельно. Карл Великий диктовал свою волю не только светским подданным, но и Церкви; во всей огромной империи никто не дерзнул бы восстать против него. Затем положение вещей изменилось после смерти последнего императора Каролинга в 899 г. Европа погрузилась в хаос. Колебание точки равновесия между центробежной и центростремительной силами в основном совершилось менее чем за сто лет. В нашествии норманнов видели причину распада империи Каролингов; но почему в таком случае гораздо более грозное нашествие сарацин, напротив, помогло ее основанию? На самом деле действие внешних конфликтов добавилось к действию внутренних обстоятельств, но не отменило его.

В Англии в начале XIX в. точка равновесия была смещена в сторону центростремительной силы. Действительная власть принадлежала парламенту. Было бы смешно противопоставлять ей авторитет ассоциаций, напоминающих наши профсоюзы, как было бы смешно противопоставлять власти сиятельного Карла Великого авторитет мелкого землевладельца, сидящего в своем маноре, как будущие феодалы. Сегодня нас отделяет от эпохи всемогущего

³⁴ В газете «Il resto del Carlino» от 7 марта 1920 г. читаем: «Буржуазия должна понять, что сегодня она пожинает плоды безумной и самоубийственной политики, проводившейся на протяжении пяти военных лет, когда не было такой лжи, которую нельзя было канонизировать во имя национального „сопротивления“. Сопротивление! Попробуй сопротивляться сегодня! Буржуазия тешила себя иллюзиями обеспечить сопротивление трудящихся классов и армии, раздавая направо и налево призрачные обещания, которые не собиралась выполнять. Теперь она запуталась в собственных силках».

парламента, который, как говорили англичане, не может лишь превратить мужчину в женщину, чуть больше столетия, и его власть в значительной степени испарилась, разрушилась, перешла к профсоюзам, которые выступают на равных с парламентом и исполняющим его волю правительством.

10 февраля 1920 г. Ллойд Джордж говорил в палате общин: «Трудность найти дешевое жилье порождена отсутствием рабочих и деятельностью тред-юнионов, которые не разрешают использовать 350 000 демобилизованных рабочих, которые могли бы этим заняться». Следовательно, чтобы приступить к работе, им нужно разрешение профсоюзов. Защитит ли парламент их право на труд? Нет. Ллойд Джордж продолжает: «Рабочая партия должна привлечь во внимание, что пользе нации следует отдавать предпочтение перед пользой корпорации». Но всего за несколько лет до того говорили другое и считали, что именно парламент, а не гражданские ассоциации, должен следить за тем, чтобы частные интересы не преобладали над общими интересами.

Из этого вытекают странные вещи. В Италии, чтобы предупредить истребление скота, запрещено есть мясо в пятницу и субботу; того, кто потребляет бифштексы по этим дням, наказывают; но если он является членом профсоюза, ему дозволено безнаказанно съесть целого быка. Когда итальянское правительство принимало эти лицемерные запреты, в стране бушевали сельскохозяйственные стачки и бастующие под благосклонным отеческим надзором властей не давали есть и пить скотине, причем даже избивали палками ее хозяина, который пытался это делать. Они также не разрешали продавать животных на мясо.

Подданные Карла Великого непосредственно зависели от него, как от короля франков и императора, и как таковому приносили ему присягу. Его прямой обязанностью было защищать их и вершить правосудие. Развивая и расширяя уже существовавший институт, он рассылал своих *missi*³⁵ по всей империи³⁶, «дабы они старательно расследовали, не вызывает ли кто-либо об учиненной над ним другими несправедливости», и требовал, чтобы они не склонялись «перед лестью, мздой, доводами родства или угрозой со стороны власть имущих». В другом капитулярии читаем³⁷: «Если какой-либо епископ или граф станет пренебрегать своим долгом, пусть они (*missi*) наставят их с помощью внушения, дабы весь народ знал о том, что всякий не добившийся правосудия по небрежению, нерадивости или недостатку власти графа может пожаловаться сперва им, и с их помощью обрести правосудие; когда же кто-то побуждаемый необходимостью обратится к нам, мы можем уполномочить их разбирать дело».

При преемниках Карла Великого *missi dominici* все еще существовали, но их власть и значение мало-помалу сокращались и в конце концов сошли на нет. Карл Лысый все еще угрожал прислать тех, кто заставят соблюдать его запрет строить новые замки, но эта угроза остается пустым звуком, замки продолжают умножаться числом и могуществом. Мелкие местные княжества воздвигаются на развалинах центральной власти.

Следует стараться не смешивать действительное и идеальное (правовое, если использовать современный термин) положение вещей. Во Франции действительная власть короля закончилась в момент вступления на трон Капета, но идеальная власть сохранялась всегда, она пережила феодальные бури и впоследствии помогла оправдать и укрепить восстановление действительной власти. Согласно многим теориям порядок вещей был обратным. Они утверждают, что идеальная власть была источником, причиной новой действительной

³⁵ *Missi dominici* – представители императоров Каролингской династии в IX–X вв., выполнявшие административные и судебные функции в ходе поездок по провинциям. Обычно их было двое – духовное и светское лицо. – *Прим. перев.*

³⁶ *Capitulare primum anni dcccii sive capitula data Missis Dominicis, anno secundo imperii. Cap. I.*

³⁷ *Capitularium Karoli Magni... Lib. II. Cap. XXVI.*

власти, но при этом допускают ошибку, вызванную желанием априорно объяснять факты с помощью идей, в то время как опыт показывает, что чаще всего идеи суть следствия фактов.

Развитие феодализма имеет некоторые общие черты с развитием наших профсоюзов; изучение последнего, разворачивающегося у нас на глазах, помогает лучше понять первое, гораздо более отдаленное и менее известное. И наоборот: то немногое, что нам известно о делах прошлого, бесполезно для более ясного понимания современности.

С оговоркой, что исключительно ради удобства изложения допустимо замещать непрерывные трансформации дискретными, мы можем принять периодизацию истории тред-юнионов, введенную супругами Вебб. Как известно, она такова: с 1799 по 1825 г. – борьба за существование, с 1829 по 1842 г. – революционный период, с 1843 по 1860 г. – новый дух и новая модель, с 1860 по 1875 г. – хунта и ее союзники, с 1875 по 1899 г. – старый и новый юнионизм, с 1892 по 1894 г. – мир тред-юнионов³⁸. Следует добавить, что последний период продолжался до начала мировой войны и что после ее окончания начался новый период, который можно назвать триумфом синдикализма. Во всяком случае, налицо значительный прогресс; к тому же он наблюдается и в других странах, т. е. является всеобщим.

Мы живем в такое время, когда пропасть между формой и реальностью в бытовании такого института, как центральная власть, все время увеличивается.

Фюстель де Куланж оспаривал точку зрения, согласно которой статьи в Керси³⁹ 877 г. были исходным пунктом феодального общества⁴⁰. Его доводы верны применительно к трансформации идеального представления, но неубедительны в отношении реальной трансформации. Он сам признается в этом⁴¹, когда пишет: «(р. 473) Теперь, когда мы проанализировали подлинный смысл статей Керси, следует рассмотреть, не приобрели ли они более широкого и (р. 474) всеобъемлющего значения, чем то, которое хотел придать им их автор [лучше сказать: чем то, которое заложено в их буквальном содержании]. Обратимся сначала к обычаям и практике, которые выражены в них. Мы не станем говорить о статье 1-й, свидетельствующей о том заметном месте, которая заняла в государственной системе Церковь [сегодня Церковь заменяет социализм, особенно трансформистский]⁴². Впрочем, это не было новшеством. Мы не будем говорить также о некоторых других статьях, например, 2-й, 5-й, с 18 по 22-ю, где Карл Лысый несмотря на свой повелительный тон выдает собственные опасения в том, что ему не будет оказано повиновение [точно так же наши парламенты и правительства издают законы и указы, хотя знают, что они мало действуют на профсоюзы. Например, они запрещают бастовать государственным служащим, но профсоюзы обращают на запрет ноль внимания. Во время забастовки власти повышают голос и угрожают бастующим увольнением, а тех только забавляют пустые угрозы. Власти составляют целые своды законов для защиты частной собственности, но терпят посягательства на нее со стороны профсоюзов; более того, они пытаются придать этим незаконным действиям

³⁸ Хунтой супруги Вебб называют влиятельную группу руководителей английских тред-юнионов указанного времени. То, что Парето называет периодизацией Веббов, – это названия глав из их книги. (Английский оригинал: Webb S., Webb B. *History of Trade Unionism*. L., 1894. Первое издание очень редкое.) – *Прим. перев.*

³⁹ Кьерсийский капитулярий Карла II Лысого закрепил наследственность некоторых феодальных титулов и владений. – *Прим. перев.*

⁴⁰ Coulanges F. de. *Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire*. Paris, 1891.

⁴¹ В другом случае факты вынуждают его согласиться с одним из доказательств изложенной нами теории об отношениях между мыслями и делами. *Les transformations de la royauté pendant l'époque Carolingienne*. Paris, 1914. Речь идет о конфликте социального устройства Австразии с порядками в Нейстрии: «(р. 178) Не станем, однако, утверждать, что эти люди руководствовались некоей политической доктриной или чистой идеей; каждым из них двигал свой интерес или даже чувство зависти». То же самое можно было бы сказать о наших профсоюзных деятелях, кроме немногих теоретиков, которые не лишены фантазии. Большинство думают о высокой зарплате, о сокращении рабочего дня, о повышении социального и властного статуса и не имеют ни малейшего, самого отдаленного понятия о социальном государстве, к которому идет дело.

⁴² Трансформизм в итальянском контексте называется политикой отказа от крайних взглядов и создания конъюнктурных парламентских коалиций для достижения стабильности. – *Прим. перев.*

легальный или мнимолегальный вид, уподобляясь человеку, который, упав с лошади, воскликнул: «Я как раз собирался слезть». Мы не будем останавливаться на 18-й статье, в которой король вынужден напомнить графам, что они являются чиновниками [именно это говорят наши власти железнодорожникам, но те обращают на их речи еще меньше внимания, чем вельможи времен Карла Лысого на предупреждения их господина] и что на них возложены обязанности правителей и судей, видимо, потому, что они пренебрегают этими обязанностями; похоже, что и сами *missi* пренебрегают своими [а наши должностные лица?]. Особого рассмотрения заслуживают статья 4 и ответ, данный на нее грандами. Здесь король и его верноподданные обмениваются взаимными обязательствами [именно это можно сказать о сегодняшних мирных договорах между правительствами и влиятельными профсоюзами, например, английским профсоюзом шахтеров или профсоюзами железнодорожников повсеместно]». Далее следует еще одна аналогия с нашими государствами.

«(р. 474) Король еще произносит слово „подчинение“, но очевидно, что речь уже не идет о том всецелом, безоговорочно, независимом от волеизъявления подчинении, которое предписано подданным по отношению к королю в монархическом государстве [и по отношению к законодательному собранию в республике]. Речь идет только о подчинении, которое накладывает на человека данное им обещание [сегодня можно было бы сказать о подчинении, которое профсоюз оказывает правительству в соответствии с заключенным с ним мирным договором, и только до тех пор, пока считает нужным соблюдать этот договор]».

«(р. 475) Что здесь любопытно, это простота, с которой названные идеи высказываются в качестве общеизвестных, банальных, естественных и неоспоримых истин». Точно так же сегодня договор на равных между профсоюзами и правительством воспринимается как естественная вещь, не подлежащая обсуждению. Железнодорожники, оплачиваемые государством, отказываются перевозить по железной дороге, принадлежащей государству, солдат и карабинеров⁴³. Здесь мы имеем дело с феноменом, аналогичным средневековому *иммунитету* – если не фактически, то в принципе. Железнодорожники полагают, хотя, вероятно, и не осознают этого вполне отчетливо, что власть центрального правительства заканчивается на границе их владений, простирающихся на все железнодорожные перевозки. Более или менее сходные мнения формируются и у других профсоюзов.

Явным признаком разрушения центральной власти выступает возможность уклонения от подсудности ей, а обязательное подчинение – признак ее укрепления. В этом случае действительное положение вещей также предшествует идеальному и правовому, которые лишь постепенно трансформируются в заданном им направлении.

Как раз сегодня мы наблюдаем одну из таких трансформаций. Иммунитет профсоюзов еще не обрел четкой формы, которая была присуща во времена Каролингов иммунитету Церкви и светских лиц, но он постепенно движется к ней. Во многих случаях, число и значимость которых растут с каждым днем, профсоюзы с одобрения части общества не позволяют исполнять законы и постановления.

Если бы государство было вынуждено отменять их под давлением, цель профсоюзов достигалась бы при формальном сохранении авторитета центральной власти; но так как решения правительства игнорируются, основы его суверенитета подрываются даже фор-

⁴³ На станции Ливорно железнодорожники отказались пропустить поезд с 231 пехотинцем. Правительство смирилось с этим и отправило солдат на броненосце Дуилио, который утром 19 апреля прибыл в Геную. Рабочие металлургического завода на моле Джано, наши высокородные и могучие бароны, прервали работу и отправили на борт судна делегацию, чтобы потребовать отказ от высадки. «Ответ был отрицательным. Тогда рабочие высыпали из завода, и забастовка распространилась на металлургов Фоче, Бордо и Кооператива. Позднее забастовали и все категории трудящихся района Скало делле Грации» (Idea Nazionale. 1920. 21 aprile). Правительство, не имея возможности воспользоваться собственной железной дорогой, не решаясь использовать силу против тех, кто этому мешают, перевезло своих солдат в Турин на грузовиках. Сами по себе эти факты не столь существенны; они важны как показатель настроений, которые распространяются среди людей, все еще номинально работающих на правительство.

мально. Так называемые стачки солидарности демонстрируют, что рядом с правительством выстраивается множество мелких обособленных источников власти, стремящихся к независимости.

Любое событие, часто малозначащее или ничтожное, может дать профсоюзам и их объединениям повод к сопротивлению и нападкам⁴⁴.

Когда во Франции в феврале 1920 г., в соответствии с одной из статей железнодорожного регламента некий сотрудник общества «Париж – Лион – Средиземное море», без разрешения оставивший рабочее место, был отстранен на два дня от службы, этого было достаточно, чтобы профсоюзы объявили и провели всеобщую стачку железнодорожников. В подобных случаях желание соблюдать законы и правила именуется «нарушение профсоюзных свобод», так же как в Средние века толковали о посягательстве на феодальный иммунитет.

Заметна тенденция профсоюзов не ограничивать свои привилегии профессиональными конфликтами, а распространять их на споры между членами профсоюзов и теми, кто в них не входит. Последних привлекают к особому суду, а если центральные власти противятся этому, то оказываются перед угрозой и фактом забастовки. В феодальном обществе вассал не был полностью исключен из королевского правосудия; чтобы прибегнуть к нему, следовало лишь соблюдать феодальную иерархию, его непосредственный сеньор должен был либо свершить суд сам, либо представить вассала на суд вышестоящего сеньора. Возможно, когда-нибудь такие гарантии появятся и в профсоюзном праве, но сегодня их нет.

В результате возник и прогрессирует современный анархический строй, на что пока никто не обращает внимания, хотя он уже отмечен многообразными проявлениями; если начавшееся движение продолжится, конфликты между отдельными профсоюзами будут возрастать и возникнут трения не только между профессиональными союзами трудящихся, с одной стороны, и всем остальным населением – с другой, но и между разными профсоюзами одной отрасли⁴⁵. То же самое происходило в Средние века, когда вражда разгоралась между теми, кто поделил между собой наследие центральной власти. Пока эта власть сохраняла силу, общие интересы удерживали ее противников вместе или по крайней мере не давали им разделиться. Для знати в эпоху Каролингов важнее всего было освободиться от гнета

⁴⁴ L'Idée Nationale. 1920. 8 febbraio. «Самый ничтожный из организаторов усвоил, что достаточно пригрозить забастовкой... чтобы под предлогом этой угрозы министерство пустилось на самые невероятные уступки... Так было во время стачки трамвайщиков и железнодорожников, когда использовался все тот же нечестный прием; ради оправдания выдачи шестидесяти миллионов в год, которые Мортара прибавил к ста сорока или ста пятидесяти, уже согласованным с Комиссией по равным правам, во всех так называемых официальных кругах трубят о возникшей в силу обстоятельств необходимости предотвратить паралич общественного транспорта в такое время как наше [то же самое говорят во Франции и в Англии, только *время* там другое]. Как будто забастовка все равно не состоялась, и паралич транспорта был отменен; в воскресенье трамвайщики прекратили работу, чтобы услышать от своих профсоюзных боссов отчет о достигнутых успехах, не менее вдохновляющих, чем у ломбардских железнодорожников, которые, до сих пор не известно почему, оставили без транспортного обслуживания всю свою промышленную область! Стыд и позор». «Тем временем ожидается декрет, который должен санкционировать меры, принятые раздираемым противоречиями Советом министров [а парламент? Ему остается только одобрять решения профсоюзов и министров]. Они полностью зависят от организаторов, которые намереваются истолковывать и требовать исполнения декрета, как им заблагорассудится; другим гражданам об этом ничего не известно, особенно главам трамвайных и железнодорожных предприятий, которых намеренно оставляют в неведении». Центральная власть не в состоянии даже утвердить расписание поездов и трамвайных маршрутов. Оно вводит декретное время, отличающееся от астрономического. Независимо от того, что эта мера беспомощна, правительство или парламент вправе к ней прибегнуть. Профсоюзы, не считающиеся с законной властью, попросту отказываются исполнять декрет. По этому поводу «L'Idée Nationale» от 16 апреля 1920 г. пишет: «Если декретное время действительно имеет экономический смысл и приносит выгоду, почему правительство не заставит безоговорочно его придерживаться? Если оно не дает никакой пользы, зачем его вводить?» Ответ прост: декретное время было введено теоретической властью, не соблюдается же оно вследствие отсутствия равноценной практической власти. Похожие противоречия наблюдались в эпоху перевеса феодальных властей над королевской властью и наблюдаются всегда, когда над центральным правительством получают перевес другие.

⁴⁵ Конференция простых рабочих, собравшаяся в Лондоне, 11 марта 1920 г. приняла повестку дня, в которой говорилось: «Сегодня главными врагами труда являются не капиталисты, а представители трудящихся. Поэтому конференция принимает решение об установлении на всей территории Соединенного Королевства правления советов».

императорской или королевской власти, а для наших профсоюзов пока что – утвердить себя вопреки авторитету парламента и интересам остальной части населения. 27 января 1920 г. на собрании Международного бюро труда господин Герен заявил, что полномочия парламентов остаются в силе, тогда Жуо⁴⁶ возразил ему, что Международная организация труда является экономическим парламентом более высокого порядка и ее решения могут быть только ратифицированы отдельными государствами⁴⁷.

По мере того как ослабевает центральная власть, множатся проявления враждебности со стороны ее противников; начинаются приватные войны между капетингскими феодалами, разгораются конфликты между профсоюзами, и предвестием этого уже являются вооруженные столкновения между бастующими рабочими и штрейкбрехерами, между красными и желтыми, между белыми и красными – я чуть не написал: между гвельфами и гибеллинами; и они разворачиваются перед благосклонным взором центральной власти, как некогда частные войны баронов перед глазами короля.

18 апреля 1920 г. на площади Синьоров в Падуе примерно пять тысяч красных и столько же белых сошлись в настоящем сражении, в котором пострадали 15 человек. Центральная власть никак не позаботилась о наведении порядка; она благосклонно наблюдала за гражданской войной, как когда-то феодальные короли за войнами своих баронов.

Сегодня синдикаты железнодорожников, моряков, докеров, шахтеров имеют дело всего лишь с бесформенной массой остального населения; наиболее влиятельные и смелые профсоюзы, такие как Тройной альянс в Англии, состоящий из шахтеров, железнодорожников и докеров, и Всеобщая конфедерация труда во Франции, главенствуют над более слабыми и умеренными. Как всегда бывает в подобных случаях, есть господствующая элита, с которой большинство вынуждено мириться; но в нем уже зреют зерна сопротивления, и они, возможно, никак не проявят себя в ближайшем будущем, но несомненно дадут о себе знать впоследствии.

Между крестьянами, с одной стороны, и рабочими и государственными служащими – с другой, наметились разногласия, немалые во Франции, но заслуживающие внимания и в Италии; эти разногласия могут иметь серьезные последствия, которые возобладает над всеми спорами в среде профсоюзов. Будущее прояснит для нас этот феномен, очертания которого пока не очень отчетливы.

Власть имущим выгодно замалчивать тот факт, что привилегии профсоюзов тяжелым бременем ложатся на остальную часть населения; им угодливо поддакивают подхалимы, утверждающие, что его несут только богатые, но факты опровергают это заблуждение. Как бы то ни было, те, кто несут это бремя привилегий, рано или поздно отринут теории и восстанут; их не остановят медоточивые речи, слащавые и жеманные проповеди болтунов, которые вольно или невольно призывают к толстовству и уговаривают людей «идти в ногу со временем», смириться с «неизбежным», уверовать в евангелие «божественного пролетариата», «священных трудящихся» и «приспособиться, чтобы не погибнуть»: это призыв к самоубийству во избежание насильственной смерти.

Все это может произвести впечатление на трусливую и слабоумную буржуазию, которая вырождается, как и все элиты в стадии упадка, но навряд ли подействует на энергичных представителей новой элиты, например последователей какого-нибудь Ленина.

Когда умножатся и наберут силу конфликты между профсоюзами, между отдельными частями общества, во избежание анархии и его распада потребуются как-то разрешить их. Сейчас бесполезно делать это, поскольку, судя по опыту, обычно только практика, а не пред-

⁴⁶ Comité national d'études sociales et politiques. 2-e année. Bulletin № 12.

⁴⁷ Леон Жуо – французский профсоюзный деятель, с 1909 г. генеральный секретарь CGT (Генеральный совет труда). – *Прим. итал. ред.*

варительно разработанные теории, помогает решению подобных проблем. Теория парламентского правления в Англии развивалась вслед за практикой, а не предшествовала ей, и совершенствовалась по мере трансформации этого института. Точно так же практические решения, часто теоретически ничем не обосновывавшиеся, а не абстрактные и произвольные теории, превратили парламентское управление, введенное Альбертинским уставом⁴⁸, в сегодняшний итальянский политический режим.

Нет оснований полагать, что в будущем порядок подобных изменений окажется иным, чем в прошлом.

Впрочем, именно поэтому можно заметить, что для решения проблемы синдикалистского устройства будет недостаточно, вопреки мнению некоторых, заменить современные парламенты собраниями профсоюзных делегатов, потому что это было бы изменением по форме, а не по существу.

Теория, согласно которой в наших парламентах заседают представители всей нации, является фикцией. На самом деле эти люди представляют только часть общества, которая главенствует над остальными либо с помощью лисьих уловок в эпоху преобладания первой фракции демагогической плутократии, либо, по мере усиления второй фракции, благодаря численному превосходству. Формула прежних времен, которая положена в основу нашего парламентского строя и согласно которой утверждать налоги должны те, кто их платят, сегодня явно или скрытно заменена другой, гласящей, что право утверждать налоги и обременять ими граждан принадлежит тем, кто их не платят. Некогда податями «с милосердием и снисхождением» облагались сервы, сегодня это зажиточные люди. Когда-то первым приходилось оплачивать чрезвычайными сборами сумасбродные войны господ, теперь эта обязанность возлагается на вторых. В старину строго воспрещалось бегство крепостных, сегодня под запретом бегство капиталов. Мелкие отклонения в ту или иную сторону наблюдаются и в наше время. Перед мировой войной итальянское правительство пыталось воздвигать преграды на пути эмиграции трудящихся, которая наносила ущерб «капиталистам»; сегодня оно озабочено экспортом капиталов, который, как говорят, наносит ущерб трудящимся. Чтобы защитить собственников от убытков, наносимых забастовкой, Депретис⁴⁹ посылал солдат на уборку урожая; сегодня власти покровительствуют забастовщикам, даже когда они силой препятствуют убирать урожай и предпочитают оставить зерно гнить, чтобы навязать свою волю собственникам. При этом теория и законодательство не изменились; в университетах учат тому же, чему учили во времена Депретиса, и напрасно мы стали бы искать в своде законов правовой акт, санкционирующий изменение практики.

Важным свидетельством указанного противоречия между все еще действующим законом и тем, который, возможно, придет ему на смену, но пока что представляет собой всего лишь нарушение, является статья Риголы⁵⁰: «Дело Маццонис... – новый этап в истории борьбы между трудом и капиталом в Италии... Федерация текстильщиков потребовала от фирмы Маццонис, – собственника полдюжины предприятий, разбросанных по разным уголкам Ломбардии, соблюдения тарифов и условий труда, согласованных с Хлопчатобумажной ассоциацией и действующих на других фабриках [возможно, будущие законы предоставят возможность для таких требований, но в сегодняшнем законодательстве она не предусмотрена]. Братья Маццонис отвергли это требование, ссылаясь на то, что они не обязаны соблюдать соглашения, заключенные с промышленной ассоциацией, в которую они не входят [правоммерный довод с точки зрения действующих норм; по-видимому, бессмысленный с точки

⁴⁸ Статут, или Устав Сардинского королевства, введенный Карлом-Альбертом Савойским в 1848 г., с 1861 г. до середины XX в. был конституцией итальянского государства. – *Прим. перев.*

⁴⁹ Агостино Депретис (1813–1887) – премьер-министр ряда правительств Италии в 70–80-е гг. XIX в. – *Прим. перев.*

⁵⁰ Il Resto del Carlino. 1920. 18 marzo.

зрения будущей юриспруденции] ... Дни идут, но признаков угасания конфликта не заметно. Рабочие в отчаянии. Столкнувшись с таким упорством хозяев [лучше сказать: с ересью по отношению к зарождающейся религии], префект Турина счел своим долгом [в соответствии с новыми нормами] вмешаться и пригласить фирму к диалогу, чтобы найти путь к примирению. Но братья Маццонис стоят на своем и даже отказываются от посредничества префекта [в подобных случаях это часто делали рабочие, что допускается новым правом, но со стороны хозяев такое упорство непозволительно]». Последовали другие еретические выходки Маццонис, разрешенные действующим законом, но неправомерные с точки зрения заново утверждающихся норм. «В самом деле, рабочие хлопкового предприятия воспользовались возможностью, предоставленной им упрямством [ересью] собственников, чтобы добиться выполнения всех их требований. Работники Понте Канавезе и Торре Пелличе оставили колесницы, завладели двумя фабриками, подняли над ними красное знамя, выбрали фабричные советы и приступили к коммунистическому управлению производством».

Допустимо ли это с точки зрения действующего права? Волнует ли это кого-либо? Во всяком случае, не рабочих, уже придерживающихся будущих законов, и не центральное правительство, которое старается только не раздражать зверя, угрожающего их пожрать.

Были ли законными захваты баронов на заре феодализма? И кого они волновали? Во всяком случае, не баронов, которые заменяли право силой, и не короля, не располагавшего достаточными средствами, чтобы добиться от них послушания.

Принадлежность предприятий является не только юридической, но и экономической проблемой; в этом смысле она распадается на две части, потому что следует думать не только о владении существующими предприятиями, но и о создании новых. Существующие можно отнять у их владельцев, но нетрудно понять, что там, где этот процесс станет массовым, никто не захочет открывать новые, поэтому придется изобретать какие-то способы для их создания.

Автор статьи продолжает и по справедливости признает, что рабочие поступают противозаконно. «Закона, который обязывал бы промышленников признавать правительственные организации и мириться с вмешательством правительства в их отношения с рабочими, действительно не существует; сомнительно также, что отказ подчиниться решению согласительной комиссии оправдывает, с точки зрения действующего законодательства, меры, принятые префектом. Об этом должны судить юристы. Мы в данном случае можем лишь констатировать, что префект в ответ на непреклонную позицию фирмы пошел на изъятие фабрик и доверил управление ими Туринской окружной трудовой инспекции, которая должна владеть ими, как сказано в постановлении, от имени фирмы Маццонис». Если какой-то добрый человек заберет часы у проезжающего, то префект с равным юридическим основанием сможет изъять часы и доверить управление ими какой-нибудь инспекции, которая не станет отнимать их у этого доброго человека, как и предприятия Маццонис на деле не были отняты у рабочих.

14 апреля, после того как братья Маццонис подчинились требованиям профсоюза, изъятие их фабрик было отменено. Таким образом, центральное правительство не столько добивалось исполнения своих законов, сколько потворствовало их нарушению; оно само подрывало собственную власть.

Цивилизованный народ не может существовать без законов, будь они писаными, закрепленными обычаем, или установленными другим способом; законы необходимы, и любое положение вещей рано или поздно приводит к своему теоретическому оформлению. Поэтому сегодняшняя ситуация, когда действующий закон умирает, а новый еще не родился, является переходной и ведет к появлению новых правил. Если победят профсоюзы, появится профсоюзный закон, напоминающий феодальный, и тогда мы увидим документ наподобие

Иерусалимских ассиз⁵¹. На это рассчитывают синдикалисты, от этого отрекаться их робкие противники.

Эволюция на этом не остановится. Ожесточение одной силы всегда вызывает обратное действие. В Средние века возникали и пользовались популярностью места, где преследуемые сервы находили пристанище; возможно, и в будущем появятся подобные убежища для гонимых «капиталистов».

Помимо этого средневековые сеньоры в конце концов обнаружили, что они не получают максимальной прибыли, доведя своих крепостных до разорения; это открытие, успешно взятое на вооружение королями, стало источником расширения их власти. Через некоторое время (вероятно, немалое, ибо в нашем обществе еще достаточно капиталов, которые можно тратить) кое-кто из власть имущих заметит, что разорение рачительных хозяев и даже простое отсутствие их поощрения не способствуют достижению максимальной прибыли, и сделает выбор в пользу своей выгоды, не думая о мобилизации капиталов, налогах на роскошь, прогрессивном обложении, гуманитарных пожертвованиях со стороны собственников, лишениях, вызванных новыми временами, и другой чепухе. Владельцам ульев известно, что, отняв у пчел весь мед и уморив их голодом, они нанесли бы себе ущерб, поэтому они заботятся о процветании этих насекомых ради собственной выгоды, а не из гуманитарных соображений. По-видимому, нечто подобное происходит сейчас и в России при большевистском режиме.

Потребность в деньгах очень часто приводила к ослаблению и даже к падению многих правительств. Представители английских общин, Генеральные Штаты во Франции созывались монархами по необходимости, связанной, как правило, с войной, с выплатой жалований и (в Новое время) с государственными долгами. Они могли избежать этой необходимости и, соответственно, зависимости только в том случае, если им удавалось проявить силу и волю, чтобы покончить с подобными расходами. Так поступали сильные правители, которые даже объявляли о своем банкротстве, хотя бы частичном, как например, французские монархи Людовик XIV и Людовик XV, на что не решился Людовик XVI, заплативший за свою слабыхарактерность короной и жизнью. Впрочем, если ему недоставало воли, еще больше ему недоставало власти. Нашим правителям тоже не хватает и того, и другого, поэтому они не знают, как избавиться от свалившихся на них бедствий, угрожающих гибелью. Сегодня это идет на пользу нарождающемуся новому строю, завтра аналогичные явления могут обратиться ему во вред. Расточение богатств вкупе с расстройством производства и гонениями на бережливых хозяев уже обрушилось на Россию и рано или поздно обрушится на другие, сегодня самые богатые страны.

Примечательно, что упорство кабинета Людовика XVI не пошло на пользу ни пенсионерам, ни кредиторам правительства, впоследствии ограбленным революцией. Будет ли более полезной для пенсионеров и кредиторов нашего правительства протекция, оказываемая им последним? Для пенсионеров навряд ли, для кредиторов еще менее того.

Значительными силами, работающими на пользу центральной власти, являются на практике интересы плутократов, в идеальном плане – культ государства с его мифами и его богословием. Он представлен двумя партиями, во всем прочем полностью отличающимися друг от друга, а именно националистами, или империалистами, и классическими социалистами марксистского толка, противниками анархии, свободной конкуренции и синдикализма. Влияние обеих партий сегодня значительно снизилось. Первая пострадала в результате разочарования мировой войной, хотя она могла приобрести большую силу, если бы остановилась вовремя; ее погубила неумеренность. Вторая потеряла идейное пораже-

⁵¹ Иерусалимские ассизы – это свод законодательных установлений Иерусалимского королевства крестоносцев XIII в., в котором вассалам предоставлялись широкие права, ограничивающие власть сеньоров и короля. – *Прим. перев.*

ние, поскольку социалисты ради эфемерной практической выгоды сблизились с демократами и стали сотрудничать с ними не только в военных вопросах, но и в правительстве.

Впрочем, если сегодня эти партии мало чем могут помочь центральной власти, то в один прекрасный день, когда снова начнется центростремительное движение, они (а вернее, их преемники) снова приобретут вес.

Такой же ход событий можно было наблюдать во времена расцвета, а затем заката феодального строя. Например, сегодняшняя утрата доверия к марксистскому идеализму напоминает судьбу империалистической доктрины *prosecres* [здесь преемников – *Прим. перев.*] Карла Великого после смерти великого властелина, так же как вытеснение Третьим интернационалом Первого и Второго имеет сходство с вытеснением империализма феодализмом. Но как тот возродился в форме учения о королевской власти, так и социализм может возродиться, пусть и в другом обличье, после упадка синдикализма и подобных ему движений.

Католицизм был опорой учения о королевском величии, как гуманитарная вера была опорой социализма и сможет быть опорой той партии, которая родится из него в будущем. Суждение о политической и социальной роли Церкви в Средние века не может исходить из ее теологических постулатов, ортодоксальных или еретических уклонений и даже из нравственности прелатов. Точно так же суждение о классическом социализме не выводимо из его теорий и даже из appetites социал-демократии. Одно дело вера, другое – ее жрецы. Что касается дериваций, то не так уж велика разница между таинством Святой Троицы и теорией прибавочной стоимости Маркса, между ненавистью к главному врагу человеческого рода и ненавистью к капитализму. По существу средневековая теократия стремилась завладеть центральной властью, а не разрушить ее; более того, она неосознанно работала на нее. Классический социализм также желает завладеть центральной властью, чтобы упорядочить всю экономическую жизнь, он выступает против анархии капиталистического производства и, по-видимому, не лучше относится к синдикалистскому производству.

Если бы поистине ребяческое представление о том, что пользу производству приносит только ручной труд, было реализовано на практике (хотя это лишь абсурдная гипотеза) результат был бы прямо противоположным тому, чего добиваются недруги знания и поклонники блаженного пролетариата, ибо интеллектуалы стали бы редкими в той же степени, в какой и ценными, нужными, незаменимыми и влиятельными. Здесь кроется причина влияния прелатов в Средние века, когда дворяне, достойные предшественники современных ненавистников интеллектуального труда, хвалились, что не умеют даже подписываться. Власть Церкви пала, когда умножилось число образованных мирян и особенно когда образование отделилось от тогдашнего богословия, мало отличающегося от современного пролетарского богословия.

Но здесь мы приближаемся к черте, где завершается вероятное и начинается лишь возможное. Постараемся не переступить ее во избежание опасности перейти за рамки возможного и отправиться в странствие по безбрежным просторам фантазии.

III. Цикл плутократии

Другой аспект современных феноменов послужит нам для знакомства с еще одним из составляющих их элементов.

Обратимся к социально-экономическому развитию нашего общества за последние сто с лишним лет. Если мы очистим этот процесс от случайных воздействий, то сможем отметить следующие характеристики: 1) стремительный рост богатства, накоплений, капитала, вложенного в производство; 2) такой способ распределения богатства, который предполагает сохранение неравенства. Некоторые утверждают, что оно увеличилось, другие – что уменьшилось; по всей вероятности, норма распределения осталась примерно прежней; 3) постоянное возрастание значения двух общественных классов, а именно богатых спекулянтов и рабочих, или, если угодно, трудящихся. Если говорить о первом из этих элементов, то с ним связан рост и процветание плутократии, со вторым – демократии; при этом речь идет о плутократии и демократии в несколько неопределенном смысле, присущем обыденной речи; 4) особую связь между двумя указанными элементами, которая становится все более заметной с конца XIX в. по сей день. Хотя интересы спекулянтов и трудящихся в целом не очень совпадают, оказывается, что часть первых и часть вторых считают полезным действовать в одном направлении, чтобы навязывать свою волю государству и эксплуатировать другие общественные классы. При этом плутократы побуждают плебс к союзу с ними с помощью хитрости, используя его настроения (остатки, *residui*) и обманывая его. Это явление в народе и у дилетантов известно под названием «демагогическая плутократия»; 5) в то время как растет власть двух вышеназванных классов, ослабевает влияние двух других, а именно богатых собственников и вообще зажиточных людей, не являющихся спекулянтами, и военных; власть вторых уже сведена к минимуму. В предвоенный период нужно было сделать исключение для Германии, где этот минимум был еще существенным, но теперь это не так. Одним из признаков нарастания этого феномена является постоянное расширение избирательного права от имущих к неимущим. Следует заметить, что среди имущих многие не являются спекулянтами, а среди неимущих немало тех, чьи интересы совпадают с интересами спекулянтов, и тех, чьи настроения (остатками) последние могут воспользоваться, поэтому спекулянтам бывает выгодно отбирать власть у первых в пользу последних; 6) мало-помалу к силе начинают прибегать не высшие, а низшие классы. Эта черта, как и следующая, является признаком разрушения центральной власти; 7) современные парламенты становятся эффективным инструментом демагогической плутократии. Сначала на выборах, затем в ходе принятия решений они представляют широкое поле деятельности для людей, богато одаренных инстинктом комбинирования. Поэтому современные парламентские режимы связали свою судьбу с плутократией, они процветают и увядают вместе с ней, и эти два процесса, которые называют также трансформациями демократии, зависят от перипетий истории плутократии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.